

Р2 КР
А 94

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

Юрий АФАНАСЬЕВ

ОБСКАЯ ПУТИНА

·СОВЕТСКАЯ РОССИЯ·

РА
А

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

Юрий АФАНАСЬЕВ

ОБСКАЯ ПУТИНА

о/р

Б.А.

Ямало-Ненецкий
КР
г. Салехард
ОБРУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1984

КНИЖНЫЙ ЗАМ
Ямало-Ненецкий КР

P2
A94

В очерках молодого тюменского писателя рассказывается о жизни огромной сибирской реки и о сложном труде местных рыбаков, их извечной мудрости, помогающей преодолевать тяжёлые природные условия. Колоритны образы хантыйских рыбаков, ещё не так давно живших по старому родовому обычаю, а ныне приобщившихся к коллективному труду.

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕКЦИЯ:

БОНДАРЁВ Ю. В., БЕШЕНСОН А. И., БЛИНОВ А. Д.,
ВИКУЛОВ С. В., ИВАНОВ А. С., КРАМНОВ Д. Ф.,
ЛОПАТИНА Е. К., МЕДНИКОВ А. М., ПОВОЛЯЕВ В. Д.,
РОСЛЯКОВ А. И., СЕРГОВАНЦЕВ Н. М.,
ЧИВИЛИХИН В. А., ШАПОШНИКОВА В. Д.,
ШУРТАКОВ С. И.

А $\frac{4702010200-101}{M-105(03)84}$ 125-84

© Издательство «Советская Россия», 1984 г.

ВОНЗЬ

Проснулась Обь от зимней спячки, напоила половодьем протоки и сора, разродилась в июне богатым вонзем — массовым ходом рыбы.

Серебристые косяки сиговых устремлялись из Обской губы в дельту, которая распахнулась в поперечнике до 60 километров, разлилась на самостоятельные реки. Плоскодонные сора — разливы, где в половодье глубина не превышает двух-трех метров, быстро прогреваются, изобилуют кормом. Обь установила свой мудрый и древний порядок, очередность, кого допустить к этим кормушкам.

До прихода вонзя в протоках и сорах успевают отнереститься язь и щука. Из сиговых — белой рыбы — первым косяком заходит сырок: нервная, подвижная рыба уже за месяц-полтора наполовину прибавляет в весе. Вслед за ним подходит горбоносик пыжьян. На первый взгляд его можно спутать с сырком, но опытный рыбак и в темную пору отличит пыжьяна по узкому тельцу, по середке которого пробегает рядок пупырчатой скользкой чешуи. Да и икра у него зернистая, крупная. Нагуливается он около заходов в протоки, но не обходится и без соров. Если уж и здесь не наберет сил, то не постесняется во время нереста поживиться икрой сырка, чира (щокура) или даже своей — за что в одно время и был в опале у ихтиологов.

Вторым вонзем называют в июле — августе ход муксуна и шокура, серьезная рыба — по 2—3 килограмма вытягивает. Взять эту рыбу можно на русле плавной, донной сетью. А с первыми заморозками жди налима,

готовь для него фитили — несколько колец, сужающихся на конус и обмотанных мережей, или строй похожие на них гимги, сплетенные иногда из прутьев. За всем надо успеть рыбаку — найти, выловить; но река обеспечила человека и на завтрашний день.

В августе, со спадом воды, сора остаются сухими. Сырок скатывается в Обь «прочистить кишку» — в пище он больше не нуждается, жировой плавник (он бывает только у сиговых) налился янтарным жиром. Готовится сырок к нересту. Родильными домами ему служат горные речки Сыня и Войкар, невдалеке друг от друга бурно стекающие с Уральских гор. За лето очистились плесы и нерестовые ямы, половодьем вынесло весь мусор, вода стала иссиня-темной, стерильной, зубы приятно ломит от ее прохлады. Горные реки отдохнули за весну и лето от сиговой рыбы, только в самых верховьях, на каменистых порогах нет-нет да тяжело плюхнется таймень или радужно сверкнет пером-веером красавец хариус. Вот сюда-то перед ледоставом и устремляются сырок, пыжьян, щокур. Заложив такую рыбку непоротой в кадушку, придави камнем, а через неделю до того она нежно высолится, что вся розовато просвечивает, в кишке-то более ничего несъедобного нет, запрещено при нересте питаться рыбе, строго соблюдает она диету.

Горячее время для рыбака летняя путина. День и ночь гудят на обской волне моторы. Раскаленное солнце, затухая к вечеру, чуть-чуть подпалит горизонт и снова начинает искриться уже утренней зарей.

Со всех рыбацких поселков табором, с семьями сплываются рыбаки-ханты к Оби, не спеша устраиваются на плавных песках в балках, а то и просто взгромождают в сторонке свое древнее жилище-чум, покрытый берестой. Они приехали сюда не только рыбачить, но и жить. Берега оглашаются радостным криком детворы,

и вторит этому крику жадный клекот белокрылых чаек-халеев из ближайших соров.

— Режь сеть! Утонешь, аси!¹.

Тяжелая деревянная лодка тупорыло громоздилась на волну, но ее снова и снова, словно щепку, сбрасывало в темную ложбину, и тогда по-звериному оскаленный гребень, разбрызгивая мутную пену, жадно перекатывался через борт. Курли Иван Федорович, или как он себя называл, Кифан Фетрыч, широко расставив ноги, цепко держался за резовку², которую от болтанки скрутило жгутом. Сина, прикусив цветастый хантыйский платок, чтобы не сорвало его ветром, до синевы в пальцах сжимала гребь в руке, другой вычерпывала котелком воду. Это обреченное спокойствие родителей бесило Юрху вдвойне.

— Режь сеть!— в который раз надсажал он горло, объезжая вокруг бударки на «Прогрессе» и не решаясь подъехать вплотную, чтобы не повредить тонкий дюралевый борт.

«Что кричать-царапаться,— ворчал Курли.— Сетка не твоя, сетка государственная, капроновая, три провяза... Режь сеть — ой, хитрый какой, кто платить будет... От камня отцеплю, тогда хоть сколько кричи...» Бударка металась носовой частью из стороны в сторону, но словно пойманный за ногу тынзяном олень, корму ее тянуло на дно. «Прогресс» выбросило рядом с лодкой, мотор вхолостую вспорол воздух над ухом и заглох. Курли не успел поднять голову, как его отбросило назад. От удара топором струной лопнула сеть — и бударка, сбросив груз, облегченно захлюпала, заковыляла на волне.

¹ Аси — отец (хант.).

² Резовка — плавная сеть.

— Вот так,— Юрху снял фуражку, вытер ею взмокшее лицо, встряхнул влажными светлыми кудрями, успокоенный проводил взглядом невдалеке качающийся «Прогресс». Отец, оттопырив нижнюю губу, растерянно сидел на дне лодки с обрубком сети в руках.

— Кто тебя притащил на Каменный песок, на своем месте не хватило рыбы?

— Тесно там, друг друга ждешь, как в магазине с тощей сумкой... Один плывет, другой сидит, курит, песни поет. Что за работа,— нехотя отмахнулся Курли.— На Каменном песке много муксуна бывает, отдыхать сюда приходит...

— И решил с таким весельщиком на камни податься?— кивнул Юрху на мать, которая, обливаясь, с жадностью пила воду из котелка.— А если бы утонули? Плавать-то все равно не уместе, хоть у реки родились.

— Зачем купаться-плавать, я не рыба... Лодка есть, чтобы плавать. А государственную сеть утопил— я не виноват, сам обрезал.

— Сеть выдадут, а жизнь на складе не получишь.

— Разве бригадир жизнь кому спасает?— набычился отец.— Что говорить, поедем, в свою лодку садись... Сетку получу, но сетку научить ходить по дну надо, под водой,— отвернувшись от сына, расщелниками глаз он всматривался по горизонту вздыбленной Оби, где челноком ныряла чья-то лодка. Рыбак, стоя на корме, словно перегораживал реку, выметывая донную сеть. Помаячив балберами, она грузно скрывалась под водой.

— Зачем сердишься, аси?— примирительно взглянул на отца Юрху, зацепил свой «Прогресс» багром, привязал к бударке.— Рыбак ты опытный, иди ко мне в бригаду, хорошего весельщика дам. Хватит мать таскать с собой, мучить на рыбалке. Вместе легче работать будет...

— Вместе только собаки из корыта едят, и всегда дерутся. Как вместе можно работать, если один лучше знает, другой — нет, один больше делает, другой спит. Я ой как много знаю — сеть зря в воде не мочу. Зачем мне вместе. Хочу один план делаю, хочу — два. Всегда почетный, всякий начальник здоровается, как налим улыбается. Ты тоже так мог жить, — ткнул пальцем Курли в сына, — однако не хочешь. В бригадирки записался, за всех решил рыбку ловить... Иди, ешь из их котла. Не мани, я на твой песок не пойду. Сейчас поеду в свой Сухпол, отвязывайся...

— А мне тоже туда надо, — подмигнул Юрху матери. Сина не вмешивалась, но было видно, как ее угнетал разговор отца с сыном, она уже наполовину выцепала бахрому из платка. — В Сухполе мои рыбаки, — пояснил отцу Юрху, — ждут меня.

— Зачем привел? — нахмурился Курли.

— К зиме готовиться, поисковое звено создали, зимой в ямах будем рыбу ловить.

— Если не знаешь, где рыба ходит, как ее подо льдом будешь искать? — презрительно бросил Курли и надолго замолк. Всем своим видом он старался показать, что не признает в сыне бригадира. Разве такой представлял он жизнь сына после его возвращения из армии? Другие сразу в свой дом прискачут, а Юрху покуролесил после армии неизвестно где да еще и привез оттуда невесту. Для баловства жить собрался или уж совсем голова мохом забита — разобраться не может, где хорошо, а где плохо.

Юрху же не мог освободиться от немого упрека отца и, чтобы избавиться от неловкости, перелез в носовую часть лодки, сел рядом с матерью. С женитьбой, конечно, получилось у него глупо, но почему быть злопамятным, какое это имеет отношение к работе? Как легко

Юрху казалось организовать бригадный лов. Вот придет вонзь,— думал он раньше,— и по его командирской воле закипит работа на реке. Не закипела, кроме одного звена, все остались на месте, все шло по-старому. Иногда он терялся от бессилия что-либо изменить, переубедить рыбаков. В эти минуты ему казалось, что отец сдерживает в себе злорадство, и, к своему стыду, Юрху в голову приходила мысль, чтобы не повезло однажды отцу в путину, чтобы обошел его вонзь, чтобы он наконец понял, за что борется Юрху.

Сине из-за ссоры отца с сыном нечасто приходилось вот так близко разглядывать родное лицо сына. Повзрослел Юрху, губы тверже стали, улыбка не кочует на них веселой, беззаботной птицей, как раньше, и у глаз прорезалось по морщинке: от дум прорезались, от забот. Разве нельзя понять друг друга? Отчего ссорятся даже родные люди? Сина осторожно протянула руку и положила на колено Юрху, сын горячо, с благодарностью пожал ее.

Лодка мягко врезалась в илистый берег. Мать с сыном заспешили к молодым рыбакам, Курли же, увидев вскопанную под картошку землю около избушки, нахмурился, присел на бревно, выброшенное половодьем. Вытащил суконный кисет. Пойма Оби на глазах разбухла, и Курли подумал: не зальет ли в этом году его избушку, одиноко стоявшую вдали от поселка. Раньше ему казалось, что он такой же вечный и сильный, как эта река. Однако нет, ошибся немножко. Каждый год, с уходом льда, Обь возвращается сильной и молодой, а он, Курли, стареет. В ком же повторится его сила и мудрость? За свою долгую жизнь немало вырастил Курли детей. От первой жены шестеро. Однажды зимой не вернулась она в избушку: ледяной северный ветер закружил ей голову в дороге, сманил к предкам. Через

год утонул на рыбалке брат Курли, оставив троих детей. Породнился Курли с его женой, Синой. Всех вырастил. От совместной жизни еще родился сын — Юрху, родился в тот же день и месяц, как и он сам. И Курли понял: это его счастливая судьба, Юрху — его сын, в котором должен он повториться. Редкое явление у хантов — родиться белоголовым. А у Юрху волосенки белые, мягкие, как у северной куропатки. Осторожным в ласках с ним был Курли, боялся как бы шершавой, натруженной рукой не сделать сыну больно.

Отслужил Юрху в армии, повзрослел, да только все напрасно — чужим он стал для отца. Потерял в нем надежду Курли — и все потерял, сам бы не смог ответить, для чего сейчас живет.

«Ну, пусть, — думал он, — судьба обманула его, но почему сын не хочет жить с ним вместе? Своего гнезда не свил, разбежались с женой, погрызлись — почему не вернуться в родительский дом жить? Пусть судьба обманула Курли, но ведь Юрху его сын, рыбака. А какой же мудрости ловить рыбу научился он?.. Ездить по пойме на «Прогрессе» и подгонять ленивых? Хоко! Сейчас картошку придумали сажать, всю землю около избушки расковыряли. Когда ее ханты садили, кому она нужна? Силы некуда девать? Курли видел, как сажают картошку в поселке, баловством считал это занятие: только бездельники в большом поселке могут сажать картошку, тыкаться по лесу с ведром — собирать ягоды и грибы. Даже мужчины там этим занимаются. Тьфу!..»

Курли сплюнул под ноги и покосился на хохочущих ребят, которые заканчивали вскапывать огородик. Может, оттого Курли и живет, что надеется: когда-нибудь Юрху возьмется за ум, это все временно, не может же он, Курли, уйти из жизни без веры в сына, без надежды

на него. Еще в детстве решил Юрху посадить около избушки несколько лиственниц. Когда они росли в пойме на островах, где одна трава да таловые кусты? Всегда человек искал хорошее место, дерево-лиственницу, около него селился, священным его считал, украшал шелковыми лоскутками. А Юрху не спросил у тайги разрешения, из родного гнезда вырвал несколько лиственниц, пересадил к избушке. «Пусть,— сказал,— тебе не так скучно будет здесь, на деревья будешь смотреть, птички будут прилетать...» Ласковый, конечно, Юрху, плохого не хотел сделать, но Курли крепко тогда испугался этих деревьев, ждал несчастья. Правда, к изумлению Курли, лиственницы прижились, вот и теперь на них, словно зеленым бисером, проклюнулись мягкими перьями клейкие иголки... Лиственницы прижились, но Курли их боялся. Вот и женитьба Юрху игрушечной получилась, стыдной — может, тоже лиственницы виноваты?..

Юрху присел рядом с отцом, сбросил брезентовые верхонки, потер красные волдыри.

— С непривычки,— примирительно улыбнулся он, встряхнул солнечными кудрями.— Теперь будем ждать урожай, аси. Северная картошка, говорят, лучше сохраняется, да и на морозе из поселка не привезешь... Найдем рыбу в ямах, много людей приедет — всем картошки хватит.

Курли презрительно передернул плечами.

— Рыбу не умеешь ловить — картошка не спасет, брюхо картошечное будет, как мешок с песком тяжелое, а глаза — по-волчьи голодными... Поисковое звено, кто когда рыбу искал? Рыбу ловят там, где она есть. В свой живун около избушки не пушу...

Юрху задумался. Взял он на себя ответственное, новое дело — организовать зимой поисковое звено. Летом,

при вонзевом ходе рыбы, поймать несколько центнеров сырка или муксуна за день — дело нетрудное. Рыба везде: и по руслу реки, и в сорах, пока к осени не уйдет вода, и в протоках. Но зимой, с замором, когда не хватает в воде кислорода, рыба скатывается в Обскую губу, прячется в глубинах, ямах, или пасется у живунов. Как ее разыскать под ледяным панцирем, чтобы впустую не долбить метровый лед, не жечься на морозе? Не каждый рыбак зимой решается заняться подледным ловом, бросает рыбалку при первой или второй неудаче, когда возвращается из глубинки с ворохом сетей, превратившихся в сосульки — и без единой рыбины! Так зиму и проводит в поселке, где-нибудь на другой работе, где потеплее, рядом с домом.

— Не может Обь быть нерыбной, даже зимой, аси? — Юрху пристально и с вызовом посмотрел на отца. — Мы ее все равно найдем; однако, думали, что ты нам поможешь... не зря здесь в Сухполе поселились когда-то наши предки. Все места, наверное, вокруг знаешь.

Курли, казалось, не слышал сына, и Юрху с раздражением почти крикнул:

— Государственный план надо выполнять, понимаешь... и зимой его надо выполнять!

Довольный вспыльчивостью сына, Курли удостоил Орху взглядом.

— Каждый раньше селился в своем месте, из других родов не приходили к нему рыбку ловить... Тебе скажу, зачем этих привел? — кивнул Курли на трех парей, пристраивающих на огороде из таловых жердей изгородь.

«Вот хоть этот, из рода толстолапой Росомахи, — неторопливо разглядывал Курли рыбаков и по внешнему виду каждого находил сходство с его отцом или

дедом.— Давно это было, а помнит Курли. Осетра поймал, чужому человеку продал, очень тот просил. Отец этого, Росомаха, пожаловался на него начальнику. Целый месяц потом Курли бесплатно рыбу ловил, штраф платил. А этот — из рода Чебак — его деда тоже помнит Курли. Держал Курли лошадь. Весной плохо с сеном было, Чебак помог — целый воз привез. Курли хорошо его наградил: лису дал, сетку хорошую дал. Лошадь сено съела, поехал за своим, последнее место было — вместо сена увидел одни голые колья. Привез ему Чебак его же сено! А Толстолобый вон как пыхтит-старается, весь остров, наверное, собрался копать, хотя тощий, как дядюшка... Может, ничего плохого не сделал, а может?.. Однажды Курли очень устал, с рыбалки возвращался на тяжелой бударке, уснул — лодка на мель пошла. Толстолобый мимо проехал, не остановился. Правда, может, видел, может, нет. Однако Курли долго на мели просидел, рыбу испортил... Младший Толстолобый тоже государственный план приехал выполнять? Пусть лучше картошку ест. Нет, не повезет их Курли далеко от своей избушки, пусть сами ищут-думают...

— Ну, так как же, аси,— прервал размышления отца Юрху,— где нам рыбу зимой искать? Людей надо кормить. Много сейчас людей на Ямале. Геологов надо кормить, газ они ищут. Вот и тебе даже здесь газовую плиту установили, за дровами каждый раз не надо ходить...

Да, Курли согласен с газом, хорошо бывает, когда устанешь, только спичку поднести — сразу горит, чай вари, уху вари. Хорошо бывает! Но отдавать свою мудрость Курли не согласен, она ему тоже от стариков передана. Юрху должен взять родовые секреты себе, но Юрху не для себя, не для него живет — для всех. Помешанный сын, совсем без выгоды живет.

Невидимая стена отчуждения разделяла отца и сына,

сидящих рядом на бревне. Юрху не мог протянуть первым руку — это означало бы отказаться от всего: от общего дела, от друзей, стать р^н ^наком-индивидуалистом. Есть еще рыбаки на Оби, по несколько планов в год дают, знаменитые, но секрет свой от чужих далеко под малицей прячут. Числятся в бригаде, но живут вне бригады, изматывают на Оби своих жен и детей до кровавых волдырей, чужого не возьмут, но и своим не поделятся.

— Смотри, как раздулся, третий день не дает спокойно плавать, — кивнул Юрху в сторону реки.

— Овас-вот — северный ветер, пусть дует, — поддержал разговор Курли, которого тоже тяготило молчание. — Если овас дует, много с собой рыбы приведет из Обской губы. Всегда так бывает...

— Ну, я пойду, — в нерешительности потоптался Юрху, подобрал с земли верхонки. — Скоро наша смена, надо успеть картошку посадить.

Курли, глядя вслед удалявшемуся сыну, потеплел от мысли: такой же упрямый, как он, Курли, и ходит так же — землю под себя гребет, в коленках гибкий. Курли уже с некоторым интересом посматривал, как сажают рыбаки картошку, посматривал и в чем-то находил в ней сходство с рыбой. Толкают картошку в ямки по одной, а осенью на ней целая куча прилипает, как икринки во время нереста рыбы, только крупные. Откуда земля силы берет?!

Вздыбленная река, как стаю оленей, гнала из Обской губы горбатые серые волны. Они толпились, наступая друг на друга, а потом, успокоенные, тяжело и ровно растекались по огромным сорам.

— Большой вонзь, однако, нынче будет. Как ты думаешь, Сарко? — погладил он лохматого пса, лежащего около ног хозяина.

КУРЛИ

Железный плашкоут удобно притулился около обрывистого яра, голубые борта его матово поблескивали на фоне поржавевшей на берегу прошлогодней травы, которая сухо шелестела своей взлохмаченной гривой даже от легкого ветерка. Трюмы плашкоута заглотнули около пяти тонн рыбы, и теперь он, грузно покачиваясь от проходящих судов, казалось, как огромная щука, равнодушно переваривал свою добычу. Но тупые толчки бударок не давали ему покоя, палуба дрожала от топота рыбацких сапог, деревянные ящики с рыбой, пересыпанной льдом, с грохотом выстраивались на площадке широких весов.

— Я закон тоже знаю,— возмущался Курли,— для государства, однако, рыбку ловлю. Нет такого закона белую рыбу не принимать.

— Это что написано, для кого?— бегал вокруг весов молодой приемщик с пухленькими щечками, периодически тыча под нос рыбаку растрепанной книжицей. — ГОСТ, ГОСТ называется, расцвети, малина, государственный стандарт, понял? В меру не входит твой щокур.

— Ты мне «понял» не говори, понял?— не поддавался Курли и продолжал кидать рыбу из лодки в ящики. Гост где живет, почему сюда не едет? Кифан Фетрыч с Гостом не разговаривал, вместе чай не пил. Рыбка тут не виновата, если у Госта голова плохо работает...

— Бестолочь,— безнадежно вздохнул приемщик, вытащил из кармана пачку папирос.— Поработай с такими, хоть в свидетели кого зови,— и уселся на опрокинутый ящик.— Ему вот рыбку сдать, а мне перед ПТС отчитаться надо... Во-о, пожалуйста, легок на помине,—

махнул он в сторону Оби, откуда, сбавляя ход, подворачивало приемно-транспортное судно.

Курли, не дожидаясь приглашения, скрюченными пальцами вытащил из пачки и для себя папиросу. Трудовой стаж рыбака можно увидеть по его рукам: десятки тонн рыбы поштучно успевают они пропустить за год через тонкую капроновую ячею, которая при шторме не раз врезается в них до самых костей. Эти руки терпят и при сорокаградусном морозе, при подледном лове. Тронутые ревматизмом, они долго еще после рыбалки остаются полусогнутыми. Парень ощутил щепотку холодных пальцев рыбака и почему-то покраснел.

Раскуривая «Беломор-канал», тот и другой ждали, что скажут на ПТС, как рассудят их спор. Приемщик, не затягиваясь, задерживал дым во рту, жевал его, раздувая пухленькие, с детским румянцем щечки,— курил больше для того, чтобы отогнать комаров. Курли же с наслаждением сосал папиросу, как будто обжигаясь, пил горячий чай, выходящий дым изгибался дугой и втягивался уже обратно ноздрями. Вид Курли был победоносно-задиристый: «подожди, сейчас покажут тебе, щурогай тощий, как надо правильно работать...»

— Однако как может белая рыба быть поганой?— рассуждал Курли.— Кто придумал так сделать? А?

Парень молчал, видя всю бесполезность объяснения, да и вряд ли он мог убедительно втолковать по ГОСТу установленные размеры. Во время хода сырка рыбакам для сорового лова выдавались сети, через ячеи которых легко проскальзывал мерный пыжьян, задерживался сырок, но задерживался и нестандарт щокура. До десяти процентов от общего улова немерный щокур разрешалось принимать, но не свыше.

— Уснули, что ль? Примите швартовую,— гаркнули из рубки.— Куда крепишь, раззява? Кнехт, давай за

кнехт.— Парнишка от непонятого слова выкатил глаза, бестолково забегал с чалкой по палубе.

Курли молча взял из его рук канат и хоть не морским узлом, но прочно закрепил судно. Высокий форштень, вызывающе круто изогнутый, казалось, с презрением придавил своими размерами плашкоут, от могучей дрожи двигателей запрыгали на весах ящики. Ухватившись за трос лебедки, приемщица с ПТС лихо съехала к Курли, чуть не зацепив его ногой по уху.

— Тьфу, погано,— выругался Иван Федорович, отступая.

У хантов и до сих пор бытует: женщине неприлично подыматься выше мужской головы. Не обращая внимания на реплику Курли, да и на самого приемщика плашкоута, вдруг угодливо засуетившегося, женщина цепким взглядом осмотрела трюмы, небрежно, с прокуреной хрипотцой бросила:

— Десять ящиков на контроль, да побыстрее, не время сейчас спать, зимой выспитесь, кроме вас еще около десяти плашкоутов у меня на шее.

Не от отсутствия вежливости, к которой Курли никогда и не был приучен, а от ее властного голоса он тоже подключился к работе, перетаскивая ящики с рыбой на весы. Приемщица с ПТС провела помадой по и без того ярко накрашенным губам, перехватила резинкой пепельные волосы на затылке, неодобрительно усмехнулась. Ей было за тридцать, гораздо моложе лица выглядело крупное, сбитое тело, тугие икры ног, втиснутые в короткие резиновые сапоги, на которых бисером поблескивала рыба чешуя.

— Твое?— ткнула по ящику сапогом, строго посмотрела на Курли.— Нашел что ловить, от доброй рыбы-то сейчас некуда деться.— Женщина ловко стала выковыривать из-под льда сырка и пыжьяна, продавливая их по

спине указательным пальцем. Если продавец сразу не восстанавливался, рыба переходила на категорию ниже сортомостью. Когда же попадался в ящиках нестандарт щокура, приемщица с подчеркнутым вызовом бросала его за борт. Курли при каждом всплеске тяжело вздыхал, а парень, потрясая бумажками, пытался поймать взгляд приемщицы.

— Вот квитанция, можем сверить общий вес.— Он жил еще, наверное, тем, что преподавали на курсах, не очень представляя, как делается это на практике.

— Не суетись,— строго произнесла женщина,— лучше объясни, почему нестандарт принимаешь? Рыбнадзора ждешь...

— Так до десяти процентов от общего улова положено...

— Что положено, я без тебя знаю, но в этих ящиках на два-три килограмма больше твоего положенного... Вот и считай, сколько набегит с пяти тонн, с двухсот ящиков?

Парнишка не на шутку забеспокоился, забегаая с другой стороны.

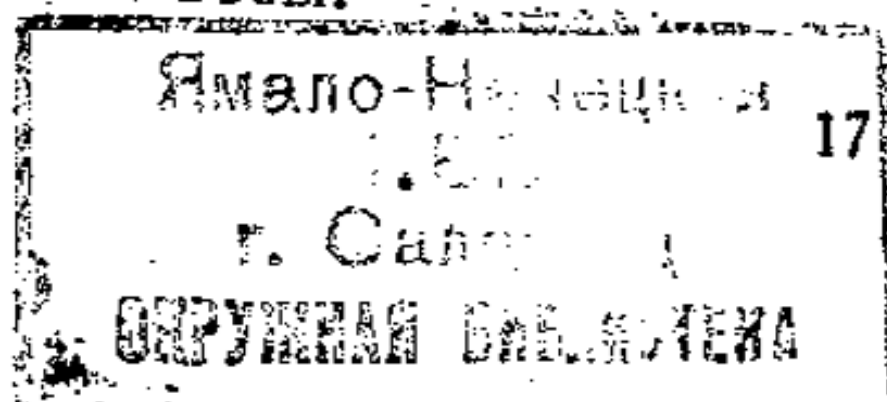
— В этих ящиках больше, в других меньше, я же беру десять процентов ото всей рыбы... вот квитанция,— трясушимися руками он вытирал почему-то шею. Курли страдальчески морщился, сейчас он полностью был на стороне парнишки, позабыв про свои обиды, сочувственно цокал языком:

— Зачем не верить, почему не честно?

— А ты что, честность-то щупал?— пригвоздила его женщина и уже мягче кивнула приемщику плашкота.— Пройдем ко мне, разберемся. Мне нестандарт не нужен...

Парень послушно засеменял следом.

Курли бочком присел к Сине на весы.

— Неправильно делаем мы, — неожиданно спокойно возмутилась всегда послушная жена. — Зачем запретную рыбу ему привез? Ты везешь, другой везет, он один — глупый еще... Закон строго может его наказать.

Курли засопел, недовольно ерзая на весах, но промолчал. С раннего детства он приучен был относиться к рыбе с бережливостью. Осенью, когда на Оби уже не было слышно рыбьего всплеска, Курли откочевывал вместе со всеми к Сыне. В это время горная река кишела косяками нерестового сырка, пыжьяна, щокура. Кочевали целыми семьями, родами, распределяясь на зиму по живунам. Курли считал свой род Сеня-ех самым древним — отсюда и название реки Сыня. Все росли на рыбе, большим богом она была. Подымаясь бечевой через пороги, каждый останавливался около Святого камня: бросали серебряные монеты, похожие на чешую рыбы, даже не пили из реки — священная вода.

«Ты видишь, как мы любим тебя, рыба, заботимся о твоей одежде. Не покидай нас в длинную холодную зиму. И ты, лысый мудрец, знаешь, что не отбираем мы у рыбы лишнюю воду. Пусть же вода будет живой, не даст погибнуть рыбе, напои ее, не уходи от нас, Сеня-ех...»

Плотным косяком входила рыба на нерест, хоть руками лови. Двухведерный котел ставили на костер во время стоянок, ловили рыбу вместе, пока не закипит вода. Жадных били кормовым веслом с широкой тонкой лопастью: хоть из одного рода Сеня-ех, а поганого человека в роду не должно быть. Высоко, к самым верховьям Сыни и Войкар, уходила рыба, каждая находила свой камень, под которым выметать икру. Гроздьями золотилась она, баюкали ее светлые струи, и в трескучие морозы пробивали к реке под снегом, под теплым мохом дорогу живуны. Вынянчивали живуны каждую икринку,

питали ее кислородом, чтобы не задохнулась она, не погибла, не превратилась в мертвое зернышко. Нянчили с осени до весны, пока не вскрыется река, пока не вылупятся большеглазые крохотные мальки.

Проходные косяки, исполнив свой долг перед природой, скатывались в Обь к зимовальным ямам, другие спешили пройти мертвую бескислородную зону, попасть в Обскую губу. А местная рыба оставалась на зиму служить людям. Ловил ее всякий: и рыбак, что продолжал подледный лов, и охотник, что оставался на зимовье, и оленевод, что невдалеке от этих рек каслал со стадом. Одни ловили рыбу, другие ловили рыбаков. Отчего так?

Курли вздрогнул, когда со скрежетом хлопнула железная дверь кубрика. Закончилась встреча за «круглым столом», парень вышел из кубрика потным и с обвисшими щеками.

— Ничего, выкрутишься, — женщина перешагнула через ноги Курли и широко зевнула.

Парень понял, приемщицу не переспоришь: во время летней путины за сутки рыба должна пройти сотни километров, чтобы в свежем виде попасть на комбинат, поштучно ее не перевешаешь, а за упрямство в следующий раз недополучишь обменные ящики с ПТС, да и само судно может пройти транзитом, сославшись на перегруженность.

— Расцвети, малина, — расслабленно сморкнулся парнишка, взмахнул тряпичной служившей ему вместо латка. — Чего уж там, давайте...

И в прожорливый темный зев трюма ПТС с фреоновым охлаждением грузно стали опускаться ящики с рыбой.

Курли — тот человек, который в весенние паводки знает все хитрые протоки, различные заходы. Он молча

сел в лодку, завел «зид», похожий на большую ракушку, — бударка покатила через Обь прямо в кусты, вильнув в узкой горловине протоки. Такие места почему-то называют «марьиными протоками», они намного сокращают расстояние, но быстро высыхают. Курли не спутает дорогу. Вот он приподнялся, прищурил левый глаз, как бы к чему-то прицеливаясь, из всего лабиринта выбрал одну протоку, не сбавляя скорости, ведет лодку между желтыми коврами калужницы — северной лилии, которая влажными ресницами весело заглядывает в глаза — в сорах всегда раньше начинает зеленеть. Снова протока, словно аллея, ветви тальника повисли над зеркальным асфальтом, удлиненные мягкие листья цепляются за борт лодки. Мотыльки (здесь их называют липунами-поденками) серой тучей выются над головой, мельтешат перед глазами грязными хлопьями. Говорят, они к хорошему улову муксуна. Для большей мощности с «зида» снят глушитель. Курли в полудреме интуитивно склоняется над мотором, подставляя лицо к выхлопной трубе, чтобы избавиться от неприятного липкого щекота мотыльков, вокруг носа наслаивается темное пятно гари. Сина незаметно перехватывает руль и теряется — куда ехать? Не хочется будить мужа, но Курли, преодолевая монотонное постукивание, сам приоткрывает красные от недосылания веки.

— Ничего, выспимся, — зима длинная, — подбадривает он себя. Бударка прижалась к горной стороне Оби, с обрывистых берегов свисает рябина, ольха, а дальше, насколько хватает глаз, пиками выстроились остроконечные редкие ели до самых Уральских гор. Пробежала легкая рябь, от ручьев-юганов пахнуло мшистой сыростью и хвойным настоем. И снова сора...

— Вода большая, но долго в сорах не будет, — заключает Курли, чтобы разговором взбодрить себя. —

Видишь, вся цветком растет. Надо успевать рыбку ловить ставными сетями.— Он неожиданно круто разворачивает лодку и глушит мотор, цепляясь за кол.

«Хал-лы, хал-лы, хал-лы»,— радостно проклекотала сторожевая чайка, и со всех сторон птицы в ожидании добычи уже нависли над головами. Первые рыбины дробно забарабанили по дну лодки...

— Опять поганая рыба, Гост не любит,— проворчал Курли, распутывая язя, который жгутом скрутил сеть.— Ханты говорят,— пояснил он жене,— если язя научишься выпутывать— большим рыбаком станешь.— И правда, по какому-то чутью Иван Федорович перекидывает рыбину из одной ячеи в другую, извлекает язя, смотрит— и бросает в воду:— Пускай тебя халей кушает.

Курли, да и не только он, недолюбливал эту рыбу во время вонзя. У язя, особенно после нереста, на брюшке небольшое покраснение, хотя вкусовые качества обский язь не теряет. Но будь он хоть того живей— по ГОСТу принимается вторым сортом. Язь снижает плановую сортность, а рыбац от него теряет прогрессивку. Много выступали в защиту язя, кое-где на местах стали относить его к мелочи третьей группы. Последняя хоть и дешевле, но принимается первыми сортами. Все хорошо, да были добытки за руку схвачены инспекторами. Кому нужна эта вымышленная сортность? Кто разрешил переводить один вид рыбы в другой? Ведь так можно принять осетра ершом, а потом сослаться, что тот и другой колючий... Споры продолжаются, а Курли никак не мог уяснить, почему язь в живом виде должен плавать вторым сортом.

Не успела быстрая чайка подстричь волну, как рыбина деловито погрузилась на дно. Птица злобно проклекотала, сделала новый круг, другой раз повезло ей больше. Курли выпутал нестандарт шокура и, выполняя

закон об ограничении прилова молодежи, выпустил тоже в воду.

И бегущие серебристой чешуей блики, и живой теплый ветер, нагоняемый упругими крыльями ненасытных халеев, и раздирающее карканье — все смешалось в этом жоре.

Однако не поднимается у Курли рука вот так всю немерную рыбу выкинуть за борт, нет-нет да метнет в носовой отсек. Сина неодобрительно вздыхает, торопливо прикрывает рыбу брезентом.

Кустиками из-под воды высовывается осока и речная водоросль с разопревшим длинным стеблем. И здесь по каким-то законам суетится и торопится жизнь. В изобилии планктон: дафнии и циклопы, мелкие моллюски и рачки; лихо скользят по воде жучки-плавунцы. Вода и липкий, с неприятным запахом теплый ил, который не раз проклянешь на охоте или рыбалке, когда завязнешь по колено и выше, щедро отдают за короткое лето соки огромной поймы всему водному царству.

Прижавшись к траве, загундосили комары. Почуввав свежую кровь, они навалились на человека серой тучей, прощупывая тонкими хоботками-иглами спину. Поэтому-то Иван Федорович даже в самое теплое время не только не снимает с себя брезентовую куртку, но даже умудряется порой все лето проходить в суконных штанах и резиновых сапогах. Посмотрит посторонний на такого рыбака в бане и удивленно присвистнет: на белом теле задубелое с темно-коричневым загаром лицо и кисти рук, будто в перчатках. Комару тоже надо взять свое: не напейся комар крови — не снесет самка личинок, свой род надо продолжить, да и личинки комаров — лакомство для рыбы.

Сверкает на лету рыбина и, нервно отбив дробь, успокаивается на дне ящика. Работает Курли, распуты-

вает рыбу, не порвет ни одной ячеи, зря не продавит через нее сырка, чтобы не сбить чешую — ведь от этого тоже снижают сортность. Сина не берет с плашкоутов лед, который предлагают рыбакам в летнюю пору: рыба в нем давится, киснет. Укладывает она рыбу старым методом, слой осоки — рядок рыбы, а сверху прикрывает мокрой рогожей. Работы больше, но рыба лучше сохраняется.

— Еги,— вдруг пугается она,— куда будем девать плохую рыбу? Плашкоут не примет, от рыбнадзорки крепко попадет.

Иван Федорович, придерживаясь за последний кол, тяжело разгибает поясницу. Только сейчас он услышал этот прожорливый клекот, перед глазами ползут круги от недоспанных ночей — в летнее время сети приходится проверять по два раза в сутки, чтобы взять рыбу живой,— садится на корму, неторопливо смывает с рук рыбью слизь. Он устал и молчит, ему сейчас можно дать больше шестидесяти, в глазах невысказанная усталость и злость.

— Зачем нам эта рыба?— продолжает упрекать Сина, показывая на молодь шокура. Она права, рыбак с лета рыбу для себя не заготавливает.— Неправильно мы делаем.

— Если я государственный рыбак, разве я могу быть вором, как браконьер? — пытается не то объяснить, не то оправдаться Курли.— Может, в воду обратно покидать,— показывает он на нестандарт,— если государство не принимает? Я не просил такую рыбку ко мне в сеть приходить.

— Не надо в этих сорах рыбачить,— продолжает настаивать жена.— Река накажет нас за это.

— Зачем много крякаешь... Давай гребь, к кустам поедем,— пытаюсь не смотреть на жену, раздраженно приказывает Курли.

За тальником припрятана лодка «Казанка» с мотором «Вихрь». Иван Федорович купил ее специально для сорового лова, чтобы ускорить доставку рыбы на плашкоут. С деревянной лодкой он только выходил на обскую волну, когда рыбачил донной сетью.

От крутого виража шлюпка задрала нос, а затем, выйдя на глиссирование, заскользила по софу, подминная водоросли и далеко оставляя за кормой белую бурлящую полосу, и уже встречный мотылек от скорости, словно горохом, бьет в лоб. Можно скинуть куртку, можно скинуть сапоги — на время дать отдохнуть телу, которое закупорено брезентовыми штанами от гнуса: кожа дышит с жадной дрожью, дышит каждой порой, и Курли жмурится в сладкой истоме.

— Ничего, Сина, много еще работать будем... Эх, ха-а!

Курли, свесив ноги за борт, повизгивал, когда их обливало прохладной струей. Это были минуты истинного отдыха рыбака: только на ветру, только на скорости можно избавиться от гнуса, гул мотора по сравнению с ним казался божественной музыкой.

— Без Курли, Сина, рыбнадзорка тоже жить не может. Рыбки нет — рыбака нет, и рыбнадзорки нет. Тут шибко умно я говорю.

Оранжевым огнем на Оби блеснул бакен, покрашенный люминесцентной краской. Курли сделал вираж и сбросил газ. На тихом плесе, окутанном маревом, казалось, что самоходка не идет, а спускается сверху на воду, как привидение. Здесь на перешейке около бакена суда сбавляли скорость, а то и вообще останавливались. Иван Федорович вытащил бинокль, навел окуляры на противоположный берег: на рыбацком стане играли одни ребяташки. «А что там за дымок в кустах?»

— Юрху?!— с неудовольствием присвистнул Курли,— вон и белый «Прогресс». Как так ездит — всегда белый, будто не рыбацк.

При илистых берегах, когда невозможно смыть липкую глину с резиновых сапог, Юрху умудрялся содержать лодку без единого пятнышка, на дне всегда лежала чистая клеенка, даже от мотора, казалось, не пахнет бензином. В лодке никого не было, и Курли снова схватился за бинокль, обшаривая берег.

— Рыба есть?!— ухнуло над головой с проходящего вдалеке судна.

Иван Федорович испуганно присел на дно бударки.

— Хоко, зачем так громко,— но червячок соблазна стал неудержимо подвигать Курли, он воровато забегал глазами. «Сина правильно говорит, зачем немерно шокура лишний раз на плашкоут показывать. Себе же рано еще рыбу солить. Почему не продать неужко? Крупная рыба в ящике, ее на плашкоут сдать, мелкий шокур — если незаметно, почему не продать? Однако если рыбнадзорка, если Юрху узнает — крепко упадет, Сина правильно говорит...»

Иван Федорович продолжал колебаться, но как только судно загородило его от противоположного берега, от боловецкого стана — остатки воли покинули Ивана Федоровича, уж слишком был большой соблазн. И он, чтобы не поняли его двойко на судне, визгливо — пусть слышат на том берегу, какой Курли честный,— призывно крикнул:

— Нет рыбы, рыбка, однако, государственный!— потряс в воздухе хвостом крупного муксуна.

— Поняли вас,— отозвались речники. Из вывернутой ноздри клюза загремел разлапистый якорь, увлекая дно черную цепь. Озираясь, Курли торопливо выкинул на палубу несколько рыбин.

— Немножко луку дай, подарков дай для ребятниш-ков рыбацких.

— А этого не надо?— щелкнул матрос по горлу, заглядывая в ящик с отборной рыбой.

— Немножко можно, почему нельзя, раз закуска в воде плавает,— сострил Курли и хихикнул, довольный собой.

Речник протянул бутылку. Курли неторопливо выпил сам, уважил и речника, налил Сине, которая свою долю перелила в какую-то склянку и спрятала в носовой части лодки. После выпитого Ивана Федоровича вышибло из седла. Он уже примерял фуражку речника, ему хотелось всех целовать, да он и делал эти попытки, звать к себе в гости, называть лучшим словом — румой (другом), ему хотелось продолжать смешить всех. Раз смешно, почему бы не смеяться, пусть знают — вот такой веселый человек Курли и есть.

— Могу еще показать,— не очищая, Иван Федорович за два прикуса уничтожил луковицу — очень любят ханты лук, не всегда его купишь в своей лавке, а на самоходке — пожалуйста.

Первыми на рыболовецком стане Курли встретили ребятнишки. Щедрость так и распирала Ивана Федоровича. Сина тоже была весела, под радостный визг она пригоршнями раздавала яйца, огурцы, лук. Потом Курли схватил ящик дешевого вина, заковылял по вязкому илу к балку. Когда вернулся на берег поставить бударку на буй, увидел «Прогресс».

— Что делать будем?— буднично и даже с какой-то тоской встретил отца Юрху.— У меня ведь тоже бинокль есть, но не мог сразу подъехать — мотор сломался. Но ты-то знаешь хоть, что делаешь?— не сдержавшись, выругался по-хантыйски сын.— Недавно был

штрафован рыбоохраной, а теперь какую бумагу на себя писать?

— Не сердись. Зачем?— Курли пошарил на дне лодки.— Во сколько вина привез, всем хватит. На,— протянул он сыну полураспитую бутылку. Юрху подержал в руках, понюхал и, размахнувшись, закинул ее далеко в реку.

— Хоко!— от такого презрения Иван Федорович кивнул и выкатил глаза.— С отцом совсем резать жизнь?! Половинчато решил жить, пусть будет так,— кипятился он, отыскивая глазами бутылку, которая, помаячив горлышком, захлебнулась и пошла на дно.

— Ну, так что делать будем?— повторил вопрос Юрху.— Дело-то это подсудное — продажа рыбы. Ты же рыбак, аси,— Юрху уже извинялся взглядом за свою спыльчивость.— Если в этих сорах много молодежи, почему не хочешь поехать в другие водоемы, поискать рыбу вместе с нами?

— Что бсгать искать-гоняться,— успокаиваясь, Курли похлопывал себя по бокам, разыскивая трубку.— Бонзевое время короткое: лето головой на солнце идет, хвостом — к зиме машет. Надо успевать рыбку ловить.

— Сети у тебя, аси, государственные, лодка государственная, плашкоут государственный, а ты Обь за бутылку готов превратить в большой стол для гостей: шьте, пейте. Мне ли тебя учить. На родном месте живем — родное не бережем. Как жить-то дальше будем?

— Крутиться надо, понимать,— пришибленно согласился Курли, виновато отводя глаза.

— Твоя работа? — осуждающе кивнул Юрху в сторону чумов, откуда доносилось пение.— Режовку, аси, дашь мне. Рыбачь старыми сетями около своего Сухола, сам же обещал сюда не приходить. Рыбак ты, конечно, опытный, но работать мне мешаешь... Эх, аси,— Юрху оттолкнулся от берега.

НОЧНОЙ ПЛАВ

Ощущение у Юрху было такое, как будто он ехал в глухом овраге — настолько круты в сентябре обские берега, по вертикали спад воды достигал семи метров. У Юрху отпали заботы с ловом в сорах — они давно высохли, теперь там копошатся в иле молодые табунки уток. Вот так всегда на Оби: воды много — воды нет.

На реке праздничными гирляндами светятся огоньки бакенов, они неожиданно вспыхивают на изгибах крутых плесов. Задувает сырой, холодный ветер, в сумерках только видны белые гребни волн. Река похожа на вспаханное поле. Свинцовой тяжестью давят низкие тучи, из них сочится и сочится влага. Это не назовешь дождем, такая изморось может идти неделю и больше, и от нее никуда не спрячешься. Одежда намокает, желеет, она впитывает сырость, как губка, коченеют руки.

Начался массовый ход шокура. Сейчас нет немерного, который нагуливался в сорах, сейчас идет нерестовый, икряной щокур. Лов его разрешен, но все же у Юрху почему-то беспокойно на душе, странная раздвоенность. С одной стороны, он даже и рад, что прекращен соровой лов. За путину в сорах некоторые рыбаки из его бригады были оштрафованы рыбоохраной — за прилов молодежи. А все потому, что рыболовецкие пески мало напоминали производственный участок. Рыбаки съезжались летом на пойму с семьями, традиционно устраивались на своих местах. Люди приходят на Обь пожить вольготно у рыбы и с рыбой. На огромной пойме проследить Юрху за каждым рыбаком просто невозможно: как и где, какими орудиями лова ведет про-

мысел рыбака. Ответ его в этом бывает уклончив, и потому, чтобы не показать место, и потому, чтобы «не спугнуть» рыбу, не «навести порчу».

— Есть рыба?

— Немножко ходит.

— Где промышляешь?

— Туда, всяко разное место,— неопределенно проведет рукой по горизонту рыбак.

Успех бригадного метода лова — в подвижности рыбаков. В этом Юрху был убежден, но, кроме молодежного звена, таких рыбаков в его бригаде больше не было. Юрху нравилось брать с собой при объездах отца, много полезного для себя узнавал он за такую поездку. Иногда его удивлял неожиданный подход, изобретательность Курли. Но как и другие индивидуалисты, Иван Федорович со своими изобретениями у рыбозаводских дверей не терся, сам по себе жил, а за последнее время охладел и к сыну. Правильно ли Юрху сделал, наказав отца? Что это дало? Еще большую обиду? Не поняли такое решение и в рыбоучастке, на собрании, когда обсуждали работу Юрху и его бригады. Мало этот разговор походил на собрание: рыбаки-ханты, как обычно, прерывали выступающего, свободно обменивались репликами. Начальник рыбоучастка — плотный, кругленький мужчина, с коротко стриженными рыжеватыми волосами, за что от Курли получил меткое прозвище «икряной ерш», — пользовался на собраниях боталом, когда же и оно не могло приглушить гул, бил обоими кулаками по столу и взывал: «Тих-ха-а! Слышко, что скажу...»

— На что ты, Юрху, настраиваешь рыбаков?— говорил начальник.— План у нас большой, обязательства брали — остается выполнять. Рыба есть, вонзь в этом году идет плотно. И наша задача взять план по откры-

той воде, иначе будет поздно. Вот ты за пример берешь молодежное звено,— кивнул он в сторону Чебака.— Правильно, и рыбу надо искать, но надо искать, когда ее нет. А тут что же происходит? Некоторые рыбаки уже по годовому плану дали, скажем, твой отец или Лельхов.

— Лельхов не пример,— вскочил Юрху со стула,— на него вся семья работает, ребятишки, четверо сыновей — ловят в один котел. Лельхов может за лето и три годовых плана дать. Но-о...

— Но у самого Юрху сыновей нет,— съехидничал кто-то из рыбаков.— Жена хаптаркой (бесплодной) оказалась, и та сбежала.

Рыбаки переключились теперь на своего бригадира, собрание становилось неуправляемым.

— Что считать чужих ребятишек, когда своих нет?

— Рыбу ловить надо, а не сети отбирать у лучших рыбаков.

— Даже у Курли сеть отобрал, иди, говорит, гуляй-броди по берегу, хорошая рыба сама на плашкоут придет.

— Может, за рыбоохранку работает?

— Тогда кто у нас бригадир? Нет у нас бригадира.

Последние слова больно кольнули Юрху, он сник, растерянно улыбнулся.

— Другого выберете,— согласился поспешно,— рыбаком пойду.

Юрху встретился взглядом с отцом, и ему показалось, что Курли в чем-то сочувствует ему. Нет, Иван Федорович не мог понять и оправдать поступок Юрху, но что-то в его взгляде промелькнуло не осуждающее сына, промелькнуло с виноватой теплотой.

— Тиха-а!— снова пытался переглушить гул начальник рыбоучастка.— Слышко, что скажу. Давайте не бу-

дем разводить антимонию. Мы добытчики, для государства рыбу ловим, и нам все равно, где ее ловить: в реках, сорах, или с неба она будет падать в рот. Правильно я говорю?

— Рыба есть, почему ее не ловить,— дружно согласились добытчики.— Зачем от нее бегать, новые гнезда вить для жилья?

— Как с семьями бегать с одного места на другое?— так лето все пройдет.

— Можно мне несколько слов?— по-мальчишески протянул руку молодой приемщик.— Я что хочу сказать, расцвети, малина,— он засмутился и покраснел от пристальных, внимательных взглядов.— Нам, приемщикам, куда деваться от молодежи щокура? Юрху правильно делает, заставляет искать рыбу. От молодежного звена, конечно, меньше рыбы принято мной, но она вся плановая, выдерживает ГОСТ. А другой рыбак до половины улова привозит нестандарт. Рыба она хорошая, расцвети, малина, я согласен, но нам не положено более десяти процентов от общего улова ее принимать. Вот я и думаю, если лимитирование ячеей ничего не даст, то почему не лимитировать сора! Отловили, сколько положено там рыбы, потом перешли на новые бассейны.

— Все?— прервал выступающего начальник рыбоучастка, которого уже начали раздражать эти выступления. Собирал он всех для подведения итогов соцобязательств, а не для дискуссии.— Думать никому не запрещается, когда есть время. Кончится горячая пора путины — думай,— жестко бросил он приемщику, хотя обращался уже к рыбакам.— Плашкоут у тебя сейчас хороший, с водяным отоплением, рыбы не будет, пиши диссертацию, как цветет твоя малина... А сейчас план, план нам нужен.

На правом берегу горбами вырисовывались огромные валуны. Юрху сбросил газ, не решаясь вылезти, — уж слишком угнетала сырость, да и не хотелось шлепать по вязкой грязи. Каменный песок... На каком же валуне Курли утопил сеть? Тогда во время хода муксуна они были глубоко под водой.

До Юрху дошли слухи, что отец не оставил своей затеи и готовит Каменный песок к следующему году для плавной сети — режовки, вывозит сюда какую-то проволоку. Для чего?

— Железную сетку Курли вязать хочет.

— Может, запор из проволоки делает, чтобы не гнил.

— Камней мало, может, нашим моторам задевы наставит — винты ломать.

За шутками рыбаков, однако, Юрху угадывал новую затею отца. Он пошарил в лодке, нашел фонарик и, вспомнив, что в нем нет батарейки, отбросил в сторону. Юрху в сердцах ругнул отца и оттолкнулся от берега. «Проволока, может быть, и имела какое-то отношение к рыбалке, — подумал Юрху, — но зачем отцу столько батарей?» Курли два ящика скупил их в сельповском магазине. Сначала этого никто не заметил, но, когда пришли темные ночи, жители возмутились, а ребяташки по пятам преследовали Ивана Федоровича при встрече.

Не любил Юрху рыбаков «сидячих», рыбаков без мысли, принцип которых — взять рыбу для себя и для плана рядом с чумом. Но не мог не видеть и других рыбаков, беспокойных, неусидчивых, один на один с природой их совесть спрашивала: правильно ли я делаю? Они метались по пойме в поисках лучших водоемов. С молодежным звеном, которым руководил Чебак, работалось легко. Ребята понимали Юрху. С Чебаком вместе он окончил школу, вместе служил в морфлоте, вместе вернулись на родную Обь. Река по-прежнему

была богата и щедра рыбой. Но путина нуждалась в прогнозировании. Отцы, ограниченные своим индивидуализмом, не могли служить примером, хотя за ними был большой опыт. Как Юрху нуждался в помощи отца! Он отобрал сеть у него в надежде сломить Курли, привлечь на свою сторону. А что вышло? Лельхов и Курли считались опытными рыбаками, но по-разному относились к делу. Один приспособился, подавил в себе совесть — и грабил реку. Другой занимался почти тем же самым, но совесть Курли беспокоила, часто он менял или переделывал ловушки, не радовался хорошему улову, если он приходил без труда. В такие тонкости в рыболовстве не вдавались, рыбаки награждались и поощрялись по количеству выловленной рыбы.

В темноте вдруг выплыл силуэт лодки. Рыбацкая?! Но кто ночью сейчас выйдет на плав? С уходом воды, когда прекращался соровой лов, рыбаки стекались к рыболовецким станам, и было им здесь вдвойне тесно: увеличивалось количество бударок на песок, да и не используешь его круглые сутки, как при полярном гластном лете. Топтались рыбаки, ждали очереди на залив, порой и ссорились, а то от безделья подавались в поселок.

— Ворюга! Зачем опять пришел, рыбу брать, сетку брать? Зачем бешено на меня едешь? Один раз мажу, другой раз сам будешь рыбку кормить.

Глухой выстрел Юрху воспринял не ухом, а каким-то внутренним чутьем, вовремя припав на дно лодки, осознал его последствие, когда горстка дроби злобно люнула над головой в воду.

— Аси!

Второго выстрела не последовало. Сина трясущимися руками держалась за стволы. Курли виновато прошелся длинным матом и вдруг затих.

— Темно, ничего не видно, — заискивающе оправдываясь, стал привязывать «Прогресс» за уключину. Встречаясь с сыном, отец почему-то переходил на русскую речь. — Твоя лодка белый, пачкать не хочу, — протянул Юрху мокрую холодную руку.

— На кого же это ты? — пытаюсь привести себя в порядок, укоризненно спросил Юрху, чувствуя, как его продолжает еще мелко трясти изнутри.

— Вот этих, — показал Иван Федорович на проходящее в темноте судно. — Лодку спускают, по берегу ходят-бродят, где рыбаки живут — рыбку воруют... «Тошего щурога» закрыли в кубрике, несколько ящиков рыбы унесли... Пусть дают милиционера мне, стрелять кругом буду, пугать, закон наводить...

— Сам бы их не заманивал, подальше держался — меньше приставали, — избавившись от испуга, упрекнул Юрху. — А с этим не шутят, — кивнул на ружье, — можно сослепу и продырявить человека.

— Не умрет, — убежденно отмахнулся Курли, — пугающий патрон, — отковырнул пыж, высыпал содержимое в ладонь, попробовал на язык. — Есть можно соль это...

Однако Сина с такой бранью накинулась на мужа, что Юрху пришлось защищать отца.

— Где рыбачишь, чем? — увел он разговор и пошарил глазами вокруг.

— Разве не видно, вон плывет, — Курли показал на два огонька. Чтобы не потерять в темноте концы режовки, он привязал на бочата электрические фонарики, опустив их в стеклянные банки и плотно закупорив.

— Для этого и батарейки скупил? — догадался Юрху.

— Чего толкаться на стане, лежебоко спать, — вместо ответа продолжил Курли. — Сейчас рыбка ночью идет, днем стоит, отдыхает.

— Дай-ка, я погребу,— заинтересовался Юрху,— продрог что-то.

— Бригадирка весельщик, очень хорошо,— рассмеялся довольный Иван Федорович.— Садись, вместе лучше рыбака понимать будем... Только корму все время держи на течение, тогда сетка правильно на выбор пойдет, мешком, рыбку не упустим.

— Знаю,— весело отмахнулся Юрху,— сам же учил.

— Может, и учил,— с ноткой обиды согласился Курли,— только теперь отец для тебя неуважаемым стал.

Иван Федорович зацепил кормовым веслом бочонок и выволок его за приух в лодку.

— Немножко хорошо, немножко плохо,— повертел он банкой.— Батарейки только на одну ночь хватает.

— У тебя их, говорят, два ящика. Зачем так много? Мог бы другим дать, научить ночью рыбачить.

— Другие пусть сами думают. А батарейки мои, купил, за это не накажут.

— Эгоист же ты, аси,— с сожалением вздохнул Юрху,— но не смог удержаться от любопытства.— Как догадался ночью плавать?

— Ты же меня с рыболовецкого песка выгнал, сетку новую отобрал... Вон,— показал Курли в сторону судна,— самого не видно, а огоньки видно, так и сделал — сетку не видно, а огоньки видно... Теперь на рыболовецком песке никому не мешаю и мне не мешают — в разное время плаваем.

— Все с обидой, аси... Сеть тебе вернули, песок вернули, но почему ты меня не хочешь понять? Хорошее дело придумал, почему не сказал?

— Вместе плавать все равно с ними не буду, мешать тебе работать там тоже не буду... Почему,— передразнил сына Курли.— Почему рыбозавод не думает, не умеет огоньки сделать? Все Кифан Фетрыч за них ду-

мать должен,— ворчал рыбак.— Табань, табань, задом корму, бригадирка, толкай.

Щокур шел густо, Курли удовлетворенно побрякивал, когда сразу из воды вытаскивал по две рыбины, а Юрху про себя отмечал: не проходная, нерестовая парочка, сдружилась, да не дошла до своего родильного дома. После армии Юрху закончил курсы инспекторов рыбоохраны, и, может быть, поэтому он смотрел на рыбу глазами не только бригадира-добытчика, но и глазами рыбоинспектора. Сиговая спешит на нерестилища горных рек. В каждом щокуре до 80 тысяч икринок. Сколько же ее, выловленной, не отнерестится? Но в чем-то был прав и отец. «До государственного лова рыбы много не ловили,— говорил Курли,— а еще раньше в нашем роду Сеня-ех и сетей не было, но рыбка пешком по берегу не ходила. Я не поймаю — сама умрет, всю рыбку Сыня и Войкар не примет зимой... Живых ям не хватит».

Действительно, в летнее время пойма Оби позволяет прокормить практически неограниченное число сиговых, но приходит зима, когда не хватает в воде кислорода, и рыбе становится тесно: не хватает на всех живунов горных рек, где должен быть кислород, и рыба гибнет.

Юрху не так уж редко во время ледохода приходилось наблюдать, когда вспухшими льдинами рыбу выбрасывало на берег, и всегда при этом он чувствовал немой упрек отца. Прогнозировать путину рыбак не может, но кто-то это должен делать: ихтиологи, рыбоохрана? Почему они не связаны с рыбаками, с государственным планом, а работают сами по себе? И правильно Юрху критиковали на собрании: за все хватается, а ничего объяснить толком не может. Он прежде всего бригадир, и надо заботиться о рыбаках. Неизвестно еще, что покажут зимовальные ямы.

Лодка грузно осела. Сина, как ни была проворна, не успевала распутывать рыбу. Курли расправил береговой конец сети, отложил в сторону груз и балберу, чтобы при следующем замете избежать перевертыша, хлопнул в ладони и крикнул во всю силу в сторону плеса:

— Рыбку надо уметь ловить!.. Тут,— он осмотрел улов,— за один плав центнера два будет, может, больше...

Юрху молчал, пораженный успехами отца. Он только недавно сдал отчет — уловы отдельных рыбаков в несколько раз превышали уловы в молодежном звене. Бригадный лов, маневренность не могли спасти план, если в звенья не привлечь опытных рыбаков. Но как? О Лельхове и говорить не приходится, когда отец не может понять Юрху, не может смириться с общим котлом. И вдруг Юрху поймал себя на мысли, что, видимо, он рано согласился на бригадирство. Ему надо еще было долго ходить в учениках у Курли.

Тал-сушняк в шутку называют хантыйской березой. Попробуй разжечь костер при дожде в хвойном лесу — не сразу получится. Сушняк же тала, которого в изобилии по берегам, не только легко воспламеняется, но и не брызгает искрами. Приятно посидеть у такого костра, вдыхать его сладковато-горьковатый дым.

— Пойдем, Юрху, ко мне в чум,— мягко толкнул в плечо Иван Федорович.— Чего здесь, как сова, на костер смотреть, мокнуть.

— У меня есть спальный мешок,— поблагодарил сын,— да и шумно там...

— Ага, немножко есть,— согласился Иван Федорович.— Скоро зима, каслание в большой поселок — вчерашние споры вспомнили... Ладно, думай немножко. Сина порядок сделает, чай — приду снова,— и Курли укрылся в темноте.

Юрху хотелось побыть одному. Он не мог сказать

отцу сейчас о том, что за продажу рыбы на судно дел на Курли рыбоохраной передано в суд. Не первый случай, заметили там.

В прошедшую зиму Иван Федорович по-своему оценил промысловую обстановку на Сыне. Встревожил Курли, когда в сеть попала минога. Ханты ее не только не едят, но и не притрагиваясь, чтобы избавиться от нее, вырезают вокруг кусок сети. Минога! Не рыба ли смерть приближается? Иван Федорович продолбил большую майну, в тревоге склонился над ней. Долго ждать не пришлось — на поверхность стали всплывать маленькие жучки, вскоре они уже кишели.

— Мангаус! Мангаус! — вскочил на ноги Курли. Он знал этого страшного жучка. Если мангаус всплывает жди уснувшую рыбу, за которой он охотится, жди рыбу смерть...

Уловы у рыбаков прекратились, только у Курли они с каждым днем росли. Подозрительно показалось в рыбоохране, выехали на снегоходе «Буран». Колья как колья, рядками стояли через реку, только обратили внимание, что давно припорошены лунки. Отдолбили. А там и сетей не было — для обмана стояли колья. «По дальше Курли ловит, — объяснил общественный рыбоинспектор, — в верховьях Сыни — на запрещенных жибунах».

Застали Курли во время проверки сетей.

— Все равно пропадает рыбка, — не удивившись неожиданному приходу рыбнадзора, объяснил Иван Федорович. — Замор сверху и снизу идет, как в мешке рыбка все равно пропадает.

Присудили Курли большую сумму. Зубами рвал сеть Иван Федорович, утверждая, что с ним поступили несправедливо.

Через полторы недели ихтиологи, взяв пробу воды,

подтвердили, что в ней нет кислорода. Облов нерестовых живунов был разрешен всем, но поздно — вода «стореда», и рыба погибла. Ею питался только мангаус, набиваясь в жабры и плавники, так, что от рыбы оставался один скелет.

По народным приметам Курли точно предугадал заморное явление и, никого не спросив, самовольно подался на нерестовые живуны...

Кто-то подошел сзади, сел сбоку около костра — Курли. Юрху удивленно вскинул брови — под левым глазом у отца был фиолетовый синяк.

— Сина моя за тебя веслом треснула. Не надо, говорит, пугать-стрелять, — пояснил он скромно и продолжительно вздохнул. — Думала — обиделся за стрельбу, в гости не идешь. Всю сознательность потерял сразу...

— А где этот приемщик, «расцвети, малина»? — увел разговор Юрху. — Что-то на стоянке его не видел.

— Хоко; — встрепенулся от неосведомленности Иван Федорович. — Крашенная баба совсем топтала «тощего щурога», увели его плашкоут, запутался с нестандартом.

— А кто виноват? — осуждающе спросил Юрху отца. — Неплохой он парень, аси.

— Не я один ему такую рыбку сдавал, другие тоже помогали, — заерзал Курли, осторожно поглаживая синяк. Юрху хорошо понимал, все рыбаки в его бригаде виновны в судьбе молодого, неопытного приемщика. И ему совсем не хотелось сейчас читать мораль Курли.

— Для чего ты проволоку на Каменный песок увозил? — поинтересовался Юрху.

— Так, пока не знаю... Потом увидишь.

Оба замолчали. Рядом под ногами усталой и грустной волной засыпала Обь, зализывая нанесенные ей за день раны.

У РОДНОГО ПОРОГА

Бокальным звоном шуги прощалась летняя путиня. Обледеневшие лодки, над которыми вился клубами пар от разгоряченных «зидов», обдирая деревянные борты проталкивались к рыболовецкому поселку на зимовье. Занятия в школе к этому времени отменялись: ребята с посиневшими носами на промерзлом осеннем ветру — хуже нет его — переминаясь с ноги на ногу нетерпеливо дожидались своих отцов. Во всей обстановке было что-то размеренное и успокоенное. По берегу стелился простуженный говорок рыбаков, поскрипывала самодельная лебедка, наматывая на толстую бочку канат, бударки, как тюлени, медленно заползали на крутой склон, да непрерывно гудела сирена на катере который расчищал дорогу ото льда. Над поселком нависло сизое облако от курящихся труб. Жарко топила поселковая баня.

Курли, перекинув через плечо кормовое весло, направился с Синой было домой, да вдруг, усмехнувшись, приостановился. Кому не приятно взглянуть на себя на Доске почета. Но взгляд его сначала упал на фанерный щит с наглядной агитацией рыбоохраны под общим заголовком «Рыбак, помни!». Иван Федорович погладил короткими пальцами с полопавшимися и грубо заросшими ногтями свежепокрашенные буквы, по слогам прочитал: «...За прилов молодежи осетра в количестве одной штуки налагается штраф — 100 рублей, нельмы — 75, муксуна, щокура — 50».

— Строго распорядились, — поделился своими сообщениями с женой. Так будут клевать — в налимьих штанах ходить придется... — задрал голову на Доску

почета и от неожиданности икнул. Среди лучших рыбаков вместо портрета Курли зияло окно.

— Кто сделал?— растерянно обернулся он к Сине.— Кифан Фетрыч разве умер, совсем непочетный?— Курли по-детски съежился и, озираясь кругом, засеменял вдоль улицы, не подымая головы на приветствия прохожих...

Двухкомнатная квартира Курли была довольно просторна, с широким коридором, дощатая перегородка отделяла кухню от умывальника. Зайдя в дом, Курли, несмотря на то, что давно здесь не был, не заметил старушку родственницу, хлопотавшую около стола, не обратил внимания на новый цветной телевизор, стоявший в углу. Равнодушный ко всему, Иван Федорович медленно опустился на пол, глубже залез на оленью шкуру и окутался с головой махорочным дымом.

— Сина, а ведь во всем виноват Юрху. Почему он поперек живет, почему поперек у меня на дороге стоит?..

Сина не отвечала.

— Чего молчишь? Ох, женщина, идол с двумя головами, куда ни поверни— все обманчиво. Когда не спрашивают, сорокой трещит, спрашиваю, как мне правильно дальше думать,— будто рыбьим жиром опилась... Знаю,— проворно вскочил на ноги Курли,— он не своим домом живет, даже бабу себе не смог выбрать; удержать при себе... Это все лиственницы виноваты,— остановившись, вдруг решил Иван Федорович.— Буду Сухполе — рублю, обязательно срублю.

Покружив осторожно по комнате среди развешанных Почетных грамот, снял со стены письмо и снова сел на шкуру. Сам командир когда-то написал про их сына, большой гордостью и надеждой для Ивана Федоровича было это письмо. Сина вздрогнула, чего-чего, а этого-то

она никогда не ожидала от мужа: светлая слезинка капелькой ртути пробежала все извилины на щеке и тихо упала на конверт. Сина поспешила выйти из комнаты.

Дорого Ивану Федоровичу это письмо. Когда Сина в первый раз подала ему конверт в руки, усталость после зимней рыбалки как рукой сняло. Иван Федорович засуетился, забежал по дому, зачем-то по нескольку раз выбегал на улицу и громко хлопал дверью. «Во так,— на ходу бросал жене,— если приедут сын с командиром, чем буду угощать? Понравится ли им?» Многим давал Курли письмо, и каждый раз ему казалось, что не сумеют люди его правильно прочитать. Не мог он допустить равнодушия при чтении. Пригласил самого начальника рыбоучастка, подал и ему письмо.

— Читай, все читай,— и пополз задом на шкуру предвкушая заранее удовольствие.— Подожди,— тут же прервал он «икряного ерша»,— зачем как заяц скачешь? Командир умно писал, долго думал,— рассуждал Иван Федорович.— Ты читай, тоже думай, хорошо думай.— Выпустив очередную порцию дыма из трубки, Курли откинулся спиной на олений мех. Хорошо служит сын хвалят Юрху за трудолюбие, дисциплину, выносливость. А чего тут удивительного? Курли сам давал имя сыну Юрху назвал— значит «сильный человек» по-хантыйски. А как назвал, таким и должен быть, иначе бы не назвал. «Вернется Юрху из армии,— размечтался тогда Курли,— по поселку вместе они пройдут, всем расскажут, как трудно там, но сын не подвел...»

«Спасибо за сына, спасибо за сына»,— несколько раз повторил последние слова из письма Иван Федорович, потом обратился к начальнику:

— Как думаешь? Мы с Синой, конечно, у Оби проживем, рыбачить будем. Юрху вернется, может скучно

показаться, он сейчас грамотный, электрическую дугу пускает.

— Сварщик?

— Нет, зачем варить, он не повар, не баба,— отмахнулся брезгливо Курли.— Он любое железо может наполюлам сделать или склеить.

— Значит, сварщик,— рассмеялся начальник,— специальность так называется.

— Пусть хоть как называется,— неохотно согласился Курли,— однако жить он здесь не сможет.

— Почему не сможет,— успокоил «икряной ерш»,— Орху сам пишет, что любит Обь, хочет стать рыбаком... Дело сварщика и у нас может пригодиться.

Ох, как сладко обрадовал и успокоил Курли начальник. Этот разговор, когда читали письмо, Иван Федорович запомнил больше всех.

...Когда Сина вернулась, Курли в доме уже не было, на полу валялось так и не вытасченное из конверта письмо. Вернулся он поздно вечером, долго шарил руками в темных сенях, хлопнул дверью, пьяно доложил:

— Нет больше Кифана Фетрыча... Тьфу, и нет. Пенсионный он. Почетного сняли, пенсионного сделали.

Учитывая возраст, Курли осудили условно с выплатой штрафа за прилов и продажу молодежи. Оформили на пенсию. Вот когда он понял всю цену жизни! С приближением замора в глубинки отправляли лучших рыбаков, других переводили зимой на разные работы. Курли, как голодная собака, выходил на берег и внюхивался и вслушивался, как, разметая сугробы, уходили снегоходы «Бураны» с рыбацким снаряжением в глубинки. Раньше Курли иногда любил говорить: вот скоро отдышать пойдет, пенсия будет, заслужил он ее. Но каким лютым врагом она казалась ему теперь! Как же лишиться труда рыбака, когда родился у Оби, когда стал по-

знавать этот труд с пеленок. И вот теперь ни руки, ни ум Курли никому не нужны. Урчат «Бураны», проносятся мимо его дома, уходят далеко на Обь...

— Ничего нет, Сина,— обиженно топтался посреди комнаты Курли,— зачем так жить?

Сина вязала поясок из бисера и украдкой посматривала на экран цветного телевизора. Ей очень нравились танцы, наряды. Она бы смотрела на это сутками. Иногда в доме собиралось до десятка женщин, и тогда они бурно обсуждали и танцы, и одежду на людях. Телевизор распахнул перед ними далекий и до этого не очень понятный мир.

Жена послушно молчала, в надежде, что Курли наговорится, а потом уснет. Но Ивана Федоровича послушное молчание сегодня взорвало. Он трахнул кулаком по телевизору и вскипел:

— С тобой говорю, росомаха косматая, а ты в другое окно глазами прилипла! Слышишь, что говорю, как жить-то будем?

И Сина неожиданно для себя встала, подошла к телевизору, снова включила его и молча села на место. Курли от этой наглости выкатил глаза, дыхание от злости ему сперло, он заикался, не находя самых оскорбительных слов.

Утром Курли испытывал жгучую ненависть к себе и обиду на всех, кто не может понять его. От стыда снова выскользнул из дома. В поселке было куда пойти, это не избушка в глубинке. Веками расселялись ханты на тундровых и обских просторах родами с таким расчетом, чтобы у каждого были свои рыбные и охотничьи угодья — за день вокруг на лыжах не обойдешь. И вдруг жить вместе! Не ты работу ищешь в лесу и на реке, а тебе работу дают. Не магазин к тебе в гости приходит, а ты хоть с утра в него приходи. Большой посе-

лок — много родов, не сразу со всеми перезнакомишься.

Загрустил Иван Федорович по родному Сухполю, по своей глубинке. Осунулся и оброс Курли, исчезла в голосе гордая нотка, пугаться стал людей и прятаться от них, убегал в тайгу. Тяготила Курли жизнь в поселке еще и потому, что он, коренной рыбак и охотник, не мог уйти далеко в тайгу, достать звериную тропу, организовать промысел на ондатру. Да и вся тайга вокруг была исполосована лыжниками. Не свое место, так уж не свое. Он ходил и плевался, когда натыкался на чью-то лыжню или обнаруживал, что капкан его давно проверил кто-то из мальчишек. Садился на пенек, подолгу чадил трубкой и с тоской и болью все чаще вспоминал родную юрту, брошенную на зиму в Сухполе, в родном Сухполе, где родились его отец и дед, где только он один знает, в какое место пойти, где птицу, белку взять, где зверя выследить, рыбу поймать. Там все с весны и лета к зиме примечено, знакомо. Ой, как там много работы, и живун есть. Скучно тоже не будет, если рядом Сина. Согласится ли только Сина на обратную жизнь? По-мрачневшим приходил Иван Федорович из тайги, задумываться стал, вслух с собой разговаривать. Вернувшись в очередной раз ни с чем с охоты, совсем рассердился на свою пустую жизнь Курли.

— Был рыбак Курли,— пригрозил он неизвестному виновнику.— Теперь в поселке Кифан Фетрыч будто один смех, а он ой как много умеет...

Сина украдкой с испугом поглядывала — не больной ли, Курли запретил навещать сына. Но однажды Юрху остановил мать на дороге, мягко обнял за плечи, долго смотрел в глаза: «Не надо, аньки¹, так делать,— несколько раз повторил он эти слова.— Для меня не надо,

¹ Аньки — мама (хант.).

для вас тоже не надо... Люди смотрят, хорошо об этом не скажут. Аси одумается, если ты не будешь поддаваться...» Сын до смерти напугал ее еще и тем, что в противном случае обещал совсем уехать отсюда. «До какого позора дожили — сын обещает их забыть».

Однажды Иван Федорович не вернулся с охоты вечером, не пришел он и на второй день. Организовали бы о поиски, да кто-то надоумил: в избушку свою пошел, Сухпол, туда лыжня ведет... «Лиственницы, лиственницы пошел рубить», — мелькнула мысль у Сины. Она хотела побежать к сыну, но что-то ее все же удержало. Так и ходила сама не своя почти две недели, и все ей казалось, что срубят Курли лиственницы, и оборвется что-то в их общей жизни, что-то может случиться и с Орху.

Курли вернулся поздно вечером, когда уже не работал поселковый движок. Сина включила лампу. Станным ей показался острый взгляд мужа и весь его вид: сталый, но успокоенный. Курли повесил на гвоздик под отолком три песцовые шкурки, и опять не ускользнуло от Сины: с чего бы на ладонях кровавые мозоли, такого на охоте не бывает от капканов. В угол бросил топор длинным черенком, и Сина вздрогнула. Курли это заметил. Долго и с шумом пил чай, молчал, наконец успокоил жену:

— Думаешь, лиственницы рубил... Нет, не могу я их рубить, живые они там в снегу сейчас стоят.

На голом пойменном острове лиственницы действительно казались украшением. Курли, правда, избушку оставил там не из-за красивого места, а больно уж редком живун уловистым был. А так умели ханты себя: выберут в пойме Оби уютный островок-бугорок, место поросший хвойным лесом, богатый ягодами и грибами, на южном склоне приткнут избушку. И вроде по

весне кругом еще снег, а тут, на бугорке, мягко шурши кудрявыми метелочками маслянистая прошлогодняя осыпица, уже золотится одуванчик. Сейчас от этих поселков остались лишь избушки с темными глазницами, просевшими, гнилыми крышами. Сселяться стали люди туда, где тепло, где телевизор.

— Что так долго не был? — попыталась разговорить мужа Сина, успокоенная ответом Курли о листовенницах.

— В Сухполе жили — рядом живун, тайга, все тамое, — уклонился от прямого ответа Иван Федорович. — А теперь пенсионный. Ты дрова пилишь — разве это работа? — начал снова раздраженно покрикивать Курли.

— Злые духи, что ли, рассердили тебя, — обиделась Сина. — Будто я виновата. В каком месте лучше жить, давай туда поедем.

Иван Федорович от этого неожиданного согласия захлебнулся чаем, горячо и залпом выпалил:

— Я в Сухполе был, пол, дверь делал, железную печку купить надо, — а чтобы Сина не раздумала, добавил: — Картошку Юрху я шкурами пока закрыл, но мороз придет — все равно замерзнет. Спешить надо, избушку греть...

СУХПОЛ — ГЛУБИНКА

Дика и необузданна природа Ямала. Настойтся на морозе лесотундра, хрустнет ветка — и далеко слышен звон, бисером высыпают мелкие северные звезды. Стоит леденчатая морозная погода! Но вдруг даже в сорокаградусный мороз неожиданно взбунтуется февраль, как подпол, стыдливо прижмут к тонкому стволу свои мшистые ветви ели, испуганно шарахнется под сугроб стайка куропаток и даже через толстую малицу-гусь почувствуешь, как вонзаются в тело ледяные щупальца, и давишься, заглатывая струю холодного мерзлого воздуха. Ни кустика, ни живого звука — один мертвящий душу вой...

«Буран» рыкнул в последний раз и осел боком на сугробе, ни аккумулятор, ни ручной стартер не могли возбудить больше снегоход. Юрху слез с сиденья, неключие тоборы, сшитые из оленьих шкур мехом наружу, легко держали его на настe, обошел вокруг и сплюнул от досады. Преодолеть засветло расстояние от рыбацкого поселка до Сухпола ему не удалось, и теперь он беспомощно и с тревогой пытался уцепиться взглядом кромешной колючей тьме и тоскливых взывах хоть за какой-нибудь предмет. Юрху нащупал запасной коробок спичек, зашитый в целлофане под козырьком шапки, но они были разве что на крайний случай — сжечь остатки бензина. Можно переспать и в «куропачьем чучеле», под сугробом, но для этого обязательно надо быть сильным, научиться подымать себя, чтобы заманчивые, липкие заполярные сны не унесли тебя в небытие. А Юрху неприятно чувствовал, как к потной спине словно железом прикасалась мокрая рубаха.

Раньше Сухпол не так уж был затерян на равнинной пойме, рядом прокладывался зимник. Но давно оборвалась «веревочка» — конная дорога, некому стало ее накатывать, за путь ни одной вехи не встретишь — крылатой стала почта. Да и давно опустели небольшие хантыйские поселки на пути. С грустью каждый раз проезжал их Юрху. В дымчато-розовое детство возвращали они его, казалось, молчаливо хранили вековую тайну родов, а сарайчики на курьих ножках, спрятанные в тени кедрачей, так напоминали сказку.

Бензиновый транспорт — не родня соломенной лошади. Куда там на мерине за крылатым Ан-2. Погода вот только иногда помеха летному транспорту: то плохая видимость, то боковой ветер, то ртутный столбик термометра слишком низко опустился в мороз. И сидит пассажир день, сидит два... Почту за эти дни набивают в мешки из-под муки. Как хлынет такая корреспонденция недельной давности на голову читателя — не сразу решится тот, какому журналу, газете отдать предпочтение. Вот в такую-то погоду, изнывая от безделья и топтания в местных аэропортах, нет-нет да и засупонят потуже испытанную лошадку, кряхтя приговаривая: тише едешь — дальше будешь, на свой риск, на свой страх.

Снегоход «Буран» для северян, особенно рыбаков, стал общей мечтой. Хорошая техника — снегоход «Буран», но Юрху уже несколько раз менял ему левый цилиндр. Не только в системе охлаждения, было немало и других уязвимых мест в снегоходе. Одна из таких поездок в прошлом году дорого обошлась Юрху: обморозился, лишился двух пальцев на ноге.

Коченеющими руками Юрху никак не удавалось нащупать ключом свечные гнезда, выступившие слезы от боли и обиды тут же склеивали ресницы. И вдруг будто горячим током обожгло его, настолько велико было

волнение: каким-то секундным порывом его ноздри дорожно уловили запах живого, пьянящего дыма. И что не могло сейчас остановить Юрху, спотыкаясь, пригибая под себя сугробы, задыхаясь от сгустков и мерзлого воздуха, он бежал через мглу туда, где сителем таилась чья-то жизнь.

Коренастая избушка придавлена огромным сугробом — не сразу заметишь, из железной узкой трубы в щель вылетом сыпались жаркие красные искры. Не поздоровавшись, Юрху обессиленный опустился у порога, вытянул ноги к раскаленной железной печи.

Не хотелось ни говорить, ни шевелиться, только слышать веселое потрескивание сухих сосновых поленьев. Подумалось, что отец очень напоминал свою избушку: небольшого роста, слегка кривоногий, с лысиной, лобной бинкой пробегающей до самого затылка. Визит Юрхи казалось, нисколько не удивил Курли. Соблюдая обычай, когда первым заговорит гость, он пытался молчать, хотя взгляд его выражал великую радость. Однако долгого молчания Иван Федорович выдержать не мог, он взял карбюратор от снегохода, брошенный сыном к печи, повертел со всех сторон, вошел в разговор:

— Что за железка такая, — проворчал он, — одно место закрываешь — в другом дырка. Летом жарко ем, зимой холодно, что за капризный такой.

Снегоход рыбаки часто ругают, потому что его любят. Ругают за несовершенство, любят за то, что он дает рыбаку возможность попасть в глубинку, к живунам к охотничьим местам. Юрху всегда удивляло, еще с детства: отец каким-то чутьем познавал технику, не заглядывая в инструкцию, да и не разбираясь в ней. Порою разбрасывает все по гайкам и соберет — застучит, заработает мотор. Да и не только он. Познания же край-

примитивные, причина поломки объяснялась двумя словами: «тут терпит, там не терпит».

— Без чая жить тоже совсем не хочет, знаю,— пыхтел Иван Федорович.— Зимой едешь — надо свой чай на него лить — так не заведется.

Сина при виде сына чайкой вспорхнула со своего угла, заметалась по избушке, стянула с Юрху тоборы, подала теплые меховые чижы-носки, поставила закоптевший чайник на печь.

— Узя-ула, аси — здравствуй, отец, — улыбнулся наконец Юрху, все еще с наслаждением впитывая тепло.— Сразу даже не признал...

— Много ездешь, много людей встречаешь, конечно, как в голове удержится,— с легкой обидой пошутил Курли.— Мы хоть не главные в районе, но тоже умеем помаленьку жить, где надо,— и он не без самодовольства провел рукой. Все бревенчатые низкие стены, коричневые от копоти, заклеены были иллюстрациями из журналов, подоконник, сундук — покрыты замысловатыми узорами, вырезанными из газет. Однако многих бытовых принадлежностей в доме не хватало, некрашенный пол из свежеструганных топором досок не скрывал, что Курли поселился недавно, хотя и с претензией на постоянство.

— Когда крепко здесь жили раньше,— заметив блуждающий взгляд сына, пояснил Иван Федорович,— всякий человек приезжал: чай попить, холод из себя выгнать... Кифан Фетрыч, Кифан Фетрыч — меньше не говорили,— Курли с обидой покривил губы.— Как Кифан Фетрыч в поселок жить приехал, как пенсионный дали, совсем ненужный человек будто... Что, как чужой, Юрху,— смахнув слезинку, добродушно пригласил Курли к столу,— раздевайся, чай пить будем,— и заспешил разделывать строганину из щокура. Со спины и брюш-

ка подрезал рыбине кожицу, стянул ее, как чулок. И под острого узкого ножа рыбы кусочки стружкой стывались на мешковину.

Приезжего всегда почему-то удивляет и настораживает это блюдо, а северянин без строганины не обходится. Борется с сыроедством и местная медицина, пугает описторхозом. Но в проходной — вонзевой рыбе: мусуна, щокуре, не говоря уж об осетровых, ничего подобного не замечено. Другую же рыбу тундровик есть не будет. Описторхозом страдает рыба оседлая, местные водоемов: язь, чебак, в последнем в одном грамме двух-трех личинок находили.

Который человек, казалось бы, приедет с безводного края, а уже рыбьей болезнью замаялся, жует его и очень. С чего бы? Но приглядеться иной раз в какой-нибудь сибирском городишке около пивной, он это недовяленного, непросоленного чебака с таким аппетитом обсасывает, будто живым описторхозом закусывает. Среди тундровых жителей не прогрессирует рыбья болезнь, за свою историю они уже научились, что можно есть, а чего нельзя, и это «нельзя» ограничивается обжорством. Оленину ели и едят сырой, но хоть того голодного не заставишь съесть кусочек говяжьего мяса. Овощи и фрукты в чуме не сохранишь, да и не всегда туда доставишь, сырая рыба и мясо, видимо, восполняют недостающие витамины в организме.

Отец с сыном ели строганину с удовольствием. Юрий и сам не знал почему, но не раз замечал, что мороженая рыба в дороге быстрее согревает человека, и всегда подают до чая.

— Думаешь, Кифан Фетрыч отдыхать приехал в Султан-пол? — разговорился отец. — Нет, только я хочу — работаю, хочу — нет... Которую работу не люблю — делать не буду. «Икряному ершу» говорил: давай зимой буд

нарты, хореи делать, тут лес со смолой, крепко получится. У ненцев леса нет, за хороший хореи могут оленя отдать. Пока рыбка есть — каждый рыбак. Зимой же как хозяйюшка медведь, лапу сосать будешь. Сина зимой какая рыбачка? Дрова пилит в поселке, что за работа. Нарядный совсем не умеют составлять...

— Наряд,— поправил Юрху.

— Какой это наряд? Немножко дрова пилит, немножко приказы начальника по поселку таскает, а зарплату получать приходит — как рыбий хвост выскальзывает, совсем мало в руке остается. Дрова покупай даже рыбу в магазине покупай... ничего своего нет. Жить обратно приехали мы с Синой, пусть в Сухполе строят магазин.

— Обратно жизнь, аси, не возвращается, уж так всегда бывает,— рассмеялся Юрху.— Хорошо, что картошку спас нам, лишнего человека не надо было сюда посылать избушку греть, но в поселок тебе все равно вернуться придется. Одному здесь делать нечего. Найдем рыбу — промизбушку построим, хорошую, теплую для бригады. Ловить рыбу зимой можно только вместе не прятаться каждому по своим живунам. А нарты, хореи можно делать и в поселке.

Железная печь гудела, как будто в ней поселился жародышащий огненный дух. Пальцы ног приятно пощипывало — из них выходил последний холод, Юрху чувствовал, как горит задубелое лицо. Сина под одобрительным взглядом Курли щедро угощала, чем могла. Юрху с наслаждением макал куском хлеба в варку — сушеную рыбу с жиром,— обжигал пальцы, очищая картошку. Иван Федорович от картошки упрямо отказался и все пытался доказать сыну, оправдать свой уход из поселка.

— Вот твой «Буран» сломался, у другого лошадь за-

путалась — туда-сюда смотрите — никого нет. А Сухпо увидели, тут Кифан Фетрыч ждет, чай ставит, всякого помогает... Почему магазин не строить? Может, сельский Совет?

— Дорого, аси, государству такое житье уже обложилось, — попытался объяснить Юрху, подбирая нужные слова, и не всегда находя их. — Какая польза от этого житья по углам, один-два живуна обловите для себя, а государственный промысел не организуешь. О житии в Сухполе говоришь, а сам ты, аси, в него не веришь — от обиды больше сюда пришел. И аньки по поселку толкуют, по глазам вижу. От самих себя бежите.

— Бывает, и другой уходит на зиму жить в глубинку. — Курли завозился, стрельнул глазами на Сину, неприятно ему было от слишком уж прямого ответа сына. По правде сказать, они с Синой, как приехали в Сухпол, почти совсем перестали разговаривать, все чего-то ждали, какого-то исхода, который сам собой придет, избегали, как провинившиеся, прямых взглядов. Однако Иван Федорович пытался хоть внешне показать, что жизнь его в глубинке идет как и прежде — вот и бумажные кружева развесили они с Синой, где надо и не надо, иллюстрациями из журналов облепили стены избушки.

— Уходят иногда, — согласился Юрху, — например Лельхов, но не так, как ты, аси, не на голое место. Лельхов два «Бурана» имеет, взрослых парней — свою бригаду. А ты?

Каждый северный район иной раз сравнивают по площади с несколькими мелкими государствами, вместе взятыми. И по всей этой огромной территории огоньками жизни были натканы раньше по одной-две избушки, по одному-два чуму, а где уж их собиралось с не большую горстку — строили здесь магазин, клуб, медицинский пункт. В начале шестидесятых годов все мел

кие, бесчисленные колхозики в северных округах были реорганизованы в крупные хозяйства — совхозы и рыбозаводы, возникла необходимость завершить оседлость тундровика. Но не так-то легко тот мог расстаться с своими угожьями, со своими привычками. И жалко уж покидать современный дом в большом поселке, а тоска сильнее, манят его рыбацкие, охотничьи угожья: вздохнет иной рыбак или охотник, приткнет дверь вместо замка сломанным веслом и подастся на зимовье в глубинку, к своему родовому гнезду.

— Ничего, — успокоил себя Курли, — зима всегда не бывает. Чебак, говоришь, завтра приезжает со своим звеном? — обратился он к Юрху, пытаюсь уйти от разговора, который сам начал и в котором не все ему было ясно, — пусть приезжает, места хватит. Редкий гость — дорожке невесты, быстрее время пройдет.

Юрху взял с полки изделие матери — тоборы — унты из оленьих шкур, — повертел в руках, усмехнулся.

— Это для туристов, — хихикнул Иван Федорович. В поселке научилась так делать, — кивнул он на Синю. — Весной поедем — на теплоход продаст... Я так научил ее работать. Оленеводам, рыбки отвезу — они шкуры дадут, сколько надо.

— Опять ты, аси, за свое, — поморщился Юрху. — Я научил, я работаю — все для себя... И на рыбалке также: одну работу делаем, а на разных языках говорим...

Юрху было известно, куда предназначались тоборы — унты. Спрос на них был так велик, что рыбацкий поселок значился в путеводителе для туристов, которые совершали летние прогулки на теплоходах по Оби. Ожидания туристов всегда оправдывались. Зырянки, давние перешедшие на оседлость, потуже стянув на лбу кокошники и расправив шелковые сарафаны, в любое время

толпятся на пятачке у дебаркадера с оленьими шкурами, тоборами, рогами, бодро переговариваясь. Мохнатые собаки, как индийские святыя коровы, лежат поперек тротуаров, подставив морды длинным утренним лучам. Они не кусаются, их можно даже пнуть, но туристы боязливо обходят собак, порой оступившись с тротуара и потонув туфель в болотине. Под восторженным вздох толпы кто-то все же перешагивает пса и таким образом достигает базара «оленья шкура-рога». До ста рублей торгуются за пару тоборов из шкуры! Юрху всегда поражало: так дорого стоит оленья шкура, даже не шкура, а часть ее?! Для себя ханты и ненцы шьют кисы из оленьих лап, из прочного красивого меха. Из них же шьют бурки, украшенные орнаментом или бисером — для северных модниц. Этот мех ценится, но шкура?! До недавнего времени ее употребляли для нюков — покрытий зимних чумов, для постели.

— Аньки, — обратился Юрху к матери, — в поселке мастерскую заканчивают строить, людей набирают пошиву из оленьего меха. Малицы, тоборы рыбакам, геологам нужны. Пойдешь туда работать?

Сина оторвалась от шитья, выжидательно поглядела на Курли.

— Чего там делать? — засопел Иван Федорович, недовольный вмешательством Юрху. — Здесь, однако, когда захочет, тогда работает, когда не хочет — никто не заставит.

— Трудно с тобой разговаривать, аси, — с сожалением вздохнул Юрху. Или ты неисправимый эгоист или, — сын решил кольнуть по самолюбию отца, — или боишься, что аньки плохая работница, в мастерской-то друг перед другом сразу будет видно, кто как работает.

— Сина не умеет работать? — Курли даже вскочил от негодования. — Сина у меня, — Иван Федорович по

тряс кулаком,— ух какая мастерица, малицу сошьет — будто сама малица родилась, где жилами прошита — не заметишь, кисты ни холод, ни воду не пропустят. Геологи без теплой одежды тоже не могут жить, Сину просят, спасибо несколько раз говорят, как икотные. А ты.. Разве сам не носишь малицу, которую она шила?..

— Успокойся, аси, сдаюсь,— поднял вверх руки Юрху, с любовью наблюдая, как, раскачиваясь, смеялась мать.

Где-то эту сценку Юрху видел в детстве. Да, это они с матерью часто так шутили над отцом. От воспоминаний потеплело на душе у Юрху, он еще пристальней стал разглядывать избушку, находя в ней знакомые следы. Вон крупная зарубка на косяке. Лет шесть было самостоятельно проверил ставную сеть — отец зарубку сделал, измерил рост сына, похвалил. Не часто от него это услышишь. Большой гвоздь на стене, черный стал. Первых куропаток Юрху поймал, отогреть повесил — вот тогда и вбил гвоздь. А дверь вся истыкана: в скучные вьюжные дни учился стрелять из лука.

— Про мастерскую я не зря говорю,— обратился Юрху к отцу.— Вот бумага есть из Москвы, садись, послушай,— вытащил из кармана помятую газету. Юрху зачитывал отдельные места, комментировал, Иван Федорович с нарастающим интересом слушал, переспрашивал сына, просил снова зачитать.

«Министерству легкой промышленности СССР предложено... улучшить обеспечение специальной одеждой и обувью оленеводов, охотников и рыбаков районов Крайнего Севера...»

Сина, глядя, как напряженно слушал Иван Федорович сына, тоже тянула украдкой ухо.

— Правильно, сам знаю,— кивал головой Курли,— у рыбаков совсем не стало теплой одежды. Куда дале-

ко в мороз поедешь?.. Кифан Фетрыч тоже за всех переживает... Что за рыбак, мороз — трясется, как чебак сетке.

«Министерству автомобильной промышленности поручено обеспечить в 1985 году серийное производство снегоболотоходов грузоподъемностью 8 тонн для работы в условиях низких температур...»

— Так, так, — соглашался Курли. — Прошлый год в глубинке пять тонн рыбы поймал... Самолет ждал, буран-ветер его качает. Олешки теперь только в совхозе... До весны рыбка лежала, сортность совсем вышла из нее... Кифан Фетрыч виноват стал — рыбку испортили, говорят, зимой. Зачем тогда ловить?.. Что теперь будет? — спросил отец у Юрху.

— А то и будет, аси, «Бураны» уже подошли в рыболовецкий участок. Наступать на глубинку зимой будем, — хлопнул ладонью по газете Юрху. — Нам дают технику, мы будем ловить зимой рыбу. Человек хочет есть рыбу не только летом, когда ее много, как летом, но и зимой... Что теперь будет, одним словом, аси, не объяснишь... на Обь по-другому будем смотреть.

— Одним словом, — обиделся Иван Федорович, — конечно, если язык жирный стал, ленивый, как объяснишь... Вот так. Я теперь не у дел. Ты меня пенсионером сделал, — буркнул он.

Избушка не чум, но все тепло за ночь выдуло, Юрху успел продрогнуть. И когда мать растопила железку, тепло жаркой волной побежало от ног к голове, потонуло в сладкий сон... Юрху с трудом оторвал голову от теплых шкур, взгляд его остановился на сундуке. В нескольких стеклянных банках с водой плавали балберы с грузиками, привязанными за нитку.

— Для чего это? — не скрывая любопытства, поинтересовался он у матери.

— Не знаю,— тихо рассмеялась Сина,— только не множко... В одной банке пенопласт с дырками, в другой плотный, а там — кора от лиственницы... Кто кого перетянет за зиму, с тем лучше потом сетку сделать.

— А где аси?

— На собаках за твоим «Бураном» поехал.

— Аньки,— вдруг неожиданно для себя задал вопрос Юрху.— Ты любишь отца?

Сина удивленно, почти с испугом, посмотрела на сына:

— Зачем так спрашиваешь?— нахмурившись, строго упрекнула Юрху. Юрху покраснел от осуждающего пристального взгляда, от этих глаз с темным глянцем, с заячьей раскосиной... Мать была намного младше отца, однако сейчас Юрху не увидел в этом дорогом лице послушной покорности, наоборот — ее лицо и глаза выражали мягкую решительность.

— Я не так хотел спросить,— извинился Юрху и поперхнулся.— У меня с той женщиной не получилась совместная жизнь, сами знаете с отцом... Разные мы. Отец прав был: песец с лисой в одной норе не живут... Запутался немножко, завидую тебе — откуда силы берешь для отца жить, не обидеть его... Только,— Юрху взялся за дверную ручку, помялся у порога,— только, Аньки, первой поезжай в поселок... Сегодня «Бураны» придут, сети, оборудование из поселка будут возить. Я знаю, ты скучаешь по поселку, поезжай... Отец долго тоже здесь не усидит. Он сам не знает, для чего тебя сюда сманил и признаться стыдно...

Пурги как не бывало, из-за березняка морозно, но ослепительно светило солнце, это свечение вспыхнуло на снегу миллиардами звезд. Вот уж и правда: солнце на лето — зима на мороз.

ПОИСКОВОЕ ЗВЕНО

И снова февральская вьюга жгутом скручивала суробы. Взвизгнула разбитая дверь, снежным комом ввалился в темную избушку Курли. Скинул малицу, выбил из нее колотушкой снежную пыль, бросил в угол. «Изнылся, наверно, себя прокормить не могу,— грустно улыбнулся Иван Федорович,— без Сины не хватило сил вырыть три лунки прорубить — даже одну сеть проверить. Хоть воруй картошку у Юрху и ешь»,— Курли, включив газовую плитку, замер над голубым огоньком, отогревая руки. И трудно было понять, то ли старая груда Курли издавала этот свистящий звук, то ли давно потухшая трубка, которую он не выпускал изо рта, продолжала сипеть никотином.

«Сина тоже хороша, нечего сказать,— капризно пошамкал губами Курли,— загостилась в поселке, с телевизором, наверно, и забыла, что он один остался... неделю уже будет, как Юрху уехал со своим поисковым звеном на «Буране» от его избушки. Если бы нашли рыбину, кто-нибудь вернулся. Значит, не нашли. А план мне сказал им, где прячется рыбка».

Однако от этой злорадной мысли Курли не стало легче, когтями царапала обида. Юрху, уезжая, уже приглашал его с собой, наоборот, как будто хотел оставить в покое старика: на целую зиму дров запас со своим поисковым звеном, несколько красных баллонов с газом в углу избушки расставил. Курли мог подсказать: надо брать с собой много крупноячейных сетей, вместо этого груза лучше положить было гимги. Такой год нынче, путина на Оби не повторяется, Курли знает, зр

сеть не мочит в воде, но промолчал. Если бы Юрху спросил, наверное, не выдержал, посоветовал, но Юрху не спросил.

Большая семья была у Ивана Федоровича, а сердце болит за младшего — Юрху. Последний сын, он дороже всех. Жене не доверял, сам искал в лесу деревья с трухой, сушил ее, растирал, чтобы мягче подстилка была, чтобы тело не прело. Когда узнал, что витамин полезен, как врач, за пазухой из поселка привозил для Юрху яблоки. А однажды, как женщина, с толстым животом присхал — под малицей три арбуза привез...

Курли вытащил с полки деревянную шкатулку. Достал фотографию, пристально всмотрелся в лицо сына. Очень походит Юрху на него: уши, как большие зырянские пельмени, глаза длинные, немножко по-заячьи выкатились, нижняя губа толстая, как у лося, верхняя тонкая — все так же. Только костюм незнакомый и галстук. Иван Федорович торопливо сунул фотографию в шкатулку, поставил ее на полку. Хотел разжечь железную печь, да снова задумался, держа в руках горящую спичку. Упрямый Юрху, это хорошо. Курли тоже упрямый, когда хотели его женить — не согласился, отец всслом отлупил, а Курли все равно по своему вкусу первую жену выбрал. Может, и нарушил Курли родовой обычай, а нисколько не жалеет, хорошо жили. Нет, Иван Федорович всю жизнь знает, его не проведешь, сыну бы только учиться у него. А Юрху себе жену выписал. В армии, говорит, письма писал, познакомился — а сам в глаза не видел! Кто же жен выписывает? Но с другой стороны, Иван Федорович чувствует, что Юрху честней его живет, не копит жир, как муксун, только на своей спине, всем хочет, чтобы хорошо было. Курли много лет почетным висел, а теперь его с доски выбросили — и в поселке с ним не каждый поздоровается.

Почему? Юрху много ошибается, а без него ни од
рыбак не обходится, каждый его ищет, спросить хоч
Почему? Работает Юрху с другими, и веселья у н
как у глухарей на току. Курли же не помнит, когда п
ледний раз смеялся, выдуло у него веселье из избуш
Старик отдернул руку, когда спичка уже догорала
пальцах, встал и беспокойно заходил по избушке. А ес
он чего-то в жизни все же не понимает? Чем помог о
ну Курли? Ничем, два года последних лбами друг
друга смотрят... «Упрямый Юрху, долго не возвра
ется. Рыбу не найдет — все равно не вернется... заме
нет на Оби — вон как овас-вот расходился». Беспоко
ство Курли передалось и лежащему на пороге лохм
тому псу, преданно заглядывавшему в глаза хозяин
Пес приподнялся, заскулил, завилял хвостом — жд
приказания.

— Подожди, Сарко, дай подумать, крепко подума
чтобы обратно жалко не было... Ехать к сыну надо
от этого решения полегчало у Курли на душе.— Одна
как быть с картошкой? В нетопленной избушке сра
замерзнет... Но к Юрху ехать надо, Сарко, первому св
рога с дороги убрать. Вот так...

— Пурь, пурь! Сарко, так держи.— Пять собак мч
ли нарты, с металлическим визгом прыгали нарты чер
плотные слоистые сугробы. Пурга поутихла, Иван Фед
рович пристально вглядывался в однообразную белизну
трудно было отличить, где протекает река, а где ра
положены плоские пойменные сора — снега все выро
няли. Но даже по незаметному снежному выступу, сл
чайному таловому кусту или торчащему из-под сугро
пучку высохшей травы Курли безошибочно определ
границу берега, узнавал реку до ледостава. Есть

Оби отшнурованные от главного русла старицы в виде огромных копыт. Поставить сеть или другую ловушку здесь — без рыбы не останешься зимой. Есть проточные воды, где сохраняется кислород — живуны, и здесь всякая рыба водится.

За долгую жизнь Иван Федорович научился чують рыбу и подо льдом, знал, куда она зимой пойдёт. Летом, при половодье, когда рыба заходит на откорм в сора и протоки, Курли разрезал сырка и пыжьяна, смотрел, чем рыба питается, как набирает жир и икру, определял, сколько может продержаться на откорме, когда снова в речку выйдет, какие ямы зимой ей могут понравиться. В этом году вода большая была в сорах весной: щука хорошо чесалась в траве и кочках — много икры оставила. Зимой ее детеныши — щурогай — где-то на реке должны быть, у берегов, на слабом течении. Обской щурогай — тоже вкусная рыба, сантиметров тридцать есть.

Курли остановил упряжку около лунки, которую давно затянуло льдом, перевел взгляд дальше.

— Хоко! — от удивления покачал головой: не одна, а десятки лунок были продолблены кругом, но уже брошены за ненадобностью. «Не нашупал сын рыбу, дальше ушел... А работа сделана за целый рыбоучасток. Немножко бы к правому берегу долбил — как раз в старицу угадал, без рыбы не остался. Так, наверное, и делает Юрху, когда обратно пойдёт, только, если не знаешь, опять можно промахнуться, — подумал Курли и почувствовал в этой пустой работе свою вину... Иван Федорович с нетерпением гнал упряжку дальше. — Если будет неудача, уйдут от Юрху эти веселые рыбаки — больше их не заставишь зимой рыбачить. А что будет с Юрху? Так и скажут: сын у Курли пустоголовый...»

— Пурь, Сарко!

Короток зимний день. Еще не разбежались до кон утренние сумерки по небу, а уже обнажила на снег кровавые десны вечерняя заря. Снова по-волчьи вздыхала пурга, тоскливыми отголосками запели взметнулись на сугробах косматые вихри, пригоршнями кидая в лицо колючую морозную пыль. Застонала О в темноте, грудью прикрыла невидимые воды, зацепила ла голыми торосами на ветру.

Собаки заскулили, и по оттенку их визжания Кур понял — недалеко жилье. Ивана Федоровича это оч удивило: кому понадобилось жилье на открытом месте на льду? Он думал ехать к берегу на мыс, к лесу. Однако Сарко ткнулся в какую-то льдину и, не дож даясь приказа хозяина, лег на снег, за ним посл довали и остальные собаки, высунув длинные расп ренные языки.

Юрху загородился от северного ветра ледяными пл тами, с южной стороны поставил палатку, которая осв щалась лампочкой от аккумулятора «Бурана». Видно, хотел Юрху время терять на переезды, где долбил, та и палатку ставил. Ребята не успели приподняться почтении к старшему, а Курли каждому уже протя вал руку.

— Узя-ула — здравствуйте! — Пытливый взгляд блуждал на обветренных, обмороженных лицах рыб ков.

— Сам Дед Мороз к нам приехал, может, пожалее погоду к теплу сделает, — пошутил Толстолобый в обл дневшей малице. «Шутит, шутит, а в глазах радости нет». Росомаха грел желудок чаем, двумя руками де жался за кружку, нервно барабаня по ней пальцам. Только Чебак, как лось, был спокойным, помогал Юрх отдирать слипшуюся на морозе ячею на сетях. Кур ли нутром почувствовал, что какой-то нехороши

разговор уже состоялся здесь, хотя и скрывался от него.

— Сколько лунок долбили?— подбрасывая полено в железную печь, поинтересовался у сына.

— Не считали,— нехотя ответил Юрху,— сотню, может, больше будет.

— Вон у нас мастер, как ледокол,— с усмешкой похвалил Толстолобый, кивая на Чебака.— Мы по одной лунке долбим, а у него пять готовых.

— Знаю, сам видел пустую работу,— с досадой прервал Иван Федорович.— А рыбка?— принимая кружку с чаем, допытывался он.

— Сдавать нечего,— признался Юрху, со злостью отбросив сеть и отогревая руки под мышками. «Плохое дело»,— подумал Курли.

— В первом месте, где долбили, хорошо должно получиться,— вслух сказал Иван Федорович,— мелкой ячеей: сырок, пыжьян там есть... Здесь щурогай раньше ходил. Давно тут не был, себе одного живуна около избушки хватает.

— Пробовали,— вяло произнес Чебак,— на один-два котелка улов.

— Сетки ставили?

— Гимгу тоже пробовали...

— Надо три гимги вместе ставить, рюжи,— возбужденно ткнул скрюченным пальцем Курли. Рыбаки переглянулись от этого нового для них слова.

— Что это даст?— усомнился Юрху, все еще отогревая пальцы за пазухой.— Полдня долбить, полдня отдалбливать, на килограмм больше поймашь— какая разница...

«Видно, совсем нехорошие дела у сына, сам в себя не верит. Мало поискового осталось в звене... Осторожно сейчас надо, а то все взорвется».

— Так не будет,— решительно встал Иван Федоро-

вич.— День постоит — на «Буране» не отвезешь, — твое до бросил сыну.

— Ловлю на слове, — встрепенулся Толстолобый... Я хоть сейчас, заводи, Юрху, «Буран».

— Заводи, заводи, — буркнул Курли, откидывая овислый с наледью полог палатки, — завтра заводи, а сейчас в куропачьем чуме спать буду — там теплей.

И пешни снова дружно ухали по льду, звон далеко катился в настоящем на морозе предутреннем рассвете. Заиндевелые брови и ресницы, разгоряченные лица. Кто-то успевал предупредить замерзание пальцев, по которым иглами влезал мороз: опускал руки в ледяную воду и хлопал ими себя по бокам до изнеможения. Никогда Ивану Федоровичу не приходилось участвовать такой совместной, захватывающей работе. Делал он всегда не спеша, когда хотел, для себя делал. Еще заметил Курли: рыбаки не старались перещеголять друг друга в мастерстве, а каждый чутко улавливал, где ему лучше себя применить. Юрху аккуратно задалбливалось это у него получалось лучше всех, потом переходил на новое место. Росомаха очень проворно выбрасывала сюзьгой — лопатой — из углубления битый лед, потом вставал на это место Чебак и рушил лед до конца, пока из-под него не вырывался фонтан воды. Дело завешивал Толстолобый, придавая ту форму майне, в которую можно опустить конусообразную гимгу, сплетенную из нескольких таловых колец, покрытых мережей.

Иван Федорович уже пожалел в душе за свою болтливость: сам давно не ходил в это место, наобещал, вдруг рыбы нет... Как потом оправдаться перед рыбаками? Вместе с Юрху пустоголовыми окажутся. Курли видел по глазам парней, видел и на лице сына, если не дать возможность поверить — уйдут рыбаки, мерзнуть больше не будут здесь. И он молил родную

реку, чтобы она принесла им удачу. Курли нельзя сейчас ошибиться и для себя, и для сына, и для других. Он продолжал долбить лед, приисравливаясь к совместной работе, хотел сказать что-нибудь ласковое ребятам, но к своему стыду, не знал рыбаков по именам. Прозвища по недостойному проступку отца или деда тянутся из поколения в поколение. А правильно ли это? Вот Юрху живет без прозвища, как в сельском Совете называли, так с этим именем и живет. А может, нет? Может, за спиной у него на чужих языках не одно прозвище? Как знать? Из поселка не приедут с бумагой, подтверждающей, какое тебе прозвище люди дали. А если из-за него Юрху тоже за спиной зовут: сын Кулькате — лови черта, — от этой мысли Иван Федорович похолодел.

Как спросишь ушедших из жизни, почему обиду друга на друга держали, от обиды и прозвища выходят. Юрху в этом умней живет, не скрывается. Рыбаки у Юрху тоже ссорятся, сам слышал, но обиды не таят. Вместе собираются, открыто говорят — весь гнилой дух из себя выпускают, а потом и смеются, опять дружно живут.

Конечно, если Курли передаст свою мудрость сыну — великим рыбаком Юрху станет, почетным. Но Юрху не хочет жить только для себя. Жизнь, наверное, — не только рыбу ловить...

Темная вода густо дымилась в свежих майнах. Теперь все рыбаки, примолкнув, ждали указаний Ивана Федоровича. Зимой на Оби наступает замор, в одном месте больше, в другом меньше — как проверишь? — и рыба мечется на реке, ищет кислорода. При подъеме щурогай прижимается к берегу, встретив мертвую воду, становится вялым, выходит поглубже и отдается воле течения, пока его не принесет к живунам. Для щурогай надо точно поставить ловушку от берега, определить,

где он больше ловится: на подъеме или при спуске. Первую гимгу с небольшим сетевым крылом Курли поставил выходом по течению к берегу — для подъемной рыбы, две других — наоборот, к реке, и тоже установил крыло. Раньше рюжами Курли крепко ловил. Пока другие рыбаки ставили по отдельности гимги на подъемную рыбу или, переставляя, приноравливались к показной, Курли успевал рюжами несколько годовых планов сделать. В секрете рюжи держал. Однако давно уже не ловил Иван Федорович щурогай, тяжело одному с рюжами возиться, майны большие долбить. Курли волевался не меньше, чем рыбаки поискового звена. Правильно ли определил воду и время для ловли?

Беспокойство отца передавалось и Юрху, за целый день перемолвились только несколькими словами. Они молчали, но оба чувствовали, что начинают понимать друг друга, что их мысли становятся очень близки. Будет рыба — сохранится поисковое звено, парни всю Обь на куски изрубят, не будет рыбы — разбегутся, другие расскажут о своей бездельной работе. На зимний лос не всякого сманишь.

К майнам никто не подходил, о рюжах не разговаривали, каждый занимался своим делом: кто-то сходил на лыжах к берегу, принес сушняк, Юрху копался «Буране». Иван Федорович за целый день выпил только кружку горячего чая, все время держал во рту черную трубку. К вечеру он ее тщательно выколотил, прочистил, снова набил табаком и, поднявшись, молча направился к гимгам. Рыбаков поднимать не надо было. Ловушки были очищены ото льда и приготовлены к подъему. Ждали, кому Курли доверит первому тянуть за центральный кол.

— Хоко! — ткнул он пальцем на самого здорового рыбака,

Одним махом Чебак выдернул кол со дна вместе с гимгой, другие даже не успели подхватить с боков. Да и подхватывать береговую гимгу было нечего, на дне ее трепыхалось ведра два рыбы. Парни молча обстреляли друг друга взглядами, и это для Курли было хуже, чем ружейный выстрел. Свою жизнь не жалко, но если он ошибся, то растопчет жизнь и Юрху.

— Хоко! — ткнул пальцем в следующего.

Росомаха поплевал на руки и стал вытягивать кол у средней гимги. Показалась из-под воды рама, первое кольцо, второе, третье... дно. Глухо, едва сдержанным стоном, прокатился общий вздох — гимга пришла совершенно пустой!

— Ничего, на Оби льда хватит, — съязвил Толстобобый. — Но я не дятел долбить гнилые дупла.

Курли внешне казался непроницаемым, лицо его окаменело, глаза неподвижно сузились, только из трубки сыпались красные искры, и майну обволокло маховым дымом. Все понимали: последняя ловушка, как и вторая, стояла на покатную рыбу. Что могла она изменить?

На лбу Юрху крупными каплями выступил пот. Он широко расставил ноги, слегка присел, прижав кол к животу, в нерешительности замер.

— Хоко!

При первой попытке Юрху не понял — оторвал кол со дна или тот увяз в иле и пружинит, поднатужился... Нет, кол вышел из земли, сомнений теперь у Юрху не было, но почему его тянет обратно, другой, тупой тяжестью?

Рыбаки по-прежнему оставались в роли зрителей, замерли над майной. И вдруг Юрху, их бригадир, не выдержал, по-мальчишески размазывая ладонями слезы по лицу, он засмеялся:

— Есть, есть рыба!

Рама грузно всплыла на поверхность, от тяжес затрещали кольца.

— Жерди, тащите жерди!

— Лежки, лежки под гимгу!

Четверо рыбаков с трудом перевалили на лед лавушку, которая до отказа была набита рыбой. Открытый выход — и закишела, заструилась она, растекаясь среди ног.

— Около тонны, однако, здесь будет!

— Вот так рюжи!

— Курли! Курли!

— Качать его! Где Курли?

Иван Федорович неподвижно лежал на нартах, с другой стороны на сугробе продолжала дымить трубка.

— Аси, что с тобсй?! — бросился к отцу Юрху, прижимая к груди его холодеющие руки. Склонились и Курли и другие рыбаки. Юрху приподнял отца, подтолкнул с боков оленьи шкуры:

— Ух и напугал же ты меня, аси. Что с тобой?

— Чуть не запутал тебя, Юрху, — растирая руку о грудь, виновато улыбнулся Иван Федорович. — На этих местах около двадцати зим не был — Обь немножко в сторону пошла, русло меняла, сразу точно с рюжана не получилось... Первый раз так испугался... Всегда осенью передо льдом прослушивай Обь, как врач дай, щупай берег, глубину — зимой пригодится... Моему Юрху, может, недолго жить...

— Аси, не говори так, слышишь, аси, — затормошил отца Юрху. — Ты просто устал, нервы сдали... Вот отпиши из фляги.

Курли недоверчиво посмотрел на всех, но рыбаки дружно закивали.

— Раз так надо, — не заставил себя ждать, открыл

тил пробку.— Что хочу сказать, Юрху,— вытирая губы, размягчился Иван Федорович,— правильно живешь, немножко тоже понимаю. Вместе легче жить, вместе даже картошка получается... попробовать хотел без тебя, боялся — своего труда в картошкино дело не положил.

— Выпей, аси, выпей! А картошка от нас не уйдет, это мы мигом,— и Юрху побежал к «Бурану».

Шумно ввалились рыбаки в нетопленную избушку, стены ее задрожали от топота и гула.

— Вот тебе и картошка,— пробасил Чебак, смахивая с потолка пальцем иней.

— Переморщимся, ребята. Главное, что есть начало — рыба, не зря время провели.

— Зачем так говорить,— обиделся Курли.— Картошка хорошо живет, геолог ее греет.

— Какой геолог?

— Газ греет. Разве не видишь, отчего на потолке иней?

Рыбаки открыли погребок и от восхищения затопали ногами: в яме был установлен таганок с горящей камфоркой — тепла для картошки хватало. Возбужденные рыбаки долго еще смеялись над догадливостью Курли. В чугунке дымилась пахучая картошка. Иван Федорович первый раз в жизни ел ее с соленой рыбой, ел, не очищая северную плоскую картошку от тонкой желтоватой кожурки. То ли от горячей еды, то ли от коллективного тепла Курли чувствовал, как к нему возвращаются силы, ему совсем уже не хотелось покидать этот мир, этих веселых рыбаков, родного Юрху. Правда, мысленно он еще продолжал спорить с теми, кто давно ушел из жизни: «Скажу, зачем свою мудрость с собой

уносили?— для себя жили. Скажу, люди в больших поселках живут, вместе работают, вместе думают. Скажу деревья тоже любят вместе жить, в лесу, так им теплее...».

— Ты, Юрху, скорее в поселок езжай,— вслух говорил Иван Федорович.— Человек двадцать рыбаков проводи — всем работы хватит. Мы еще пойдем искать руду: щокура, пыжьяна, сырка. Каждому геологу по натуре будет... Ты, Юрху, в бумагу меня к себе запиши. Я еще ой какой поисковый!

УЛАТНЫЙ ЛОВ

По ночам заморозки цементировали лед, а днем он размягчался, становился ватным, с углов же от прямых солнечных лучей рассыпался звонкими голубыми иглами. Кое-где по берегам, как моржи, выныривали грязноватые осенцы. С пробуждением реки все остальное становится незначительным, время мучительно останавливается, о чем бы ни заходил разговор, а снова сводился к ожиданию ледохода.

— Слышу ночью треск, ну, думаю, крыша на голову, а это первая подвижка, значит, была... там за поворотом.

— Показалось, подвижка будет вот как этот песчаный остров скроет половодьем, давно уж мною примечено.

— Остров? Нет, верная примета, как половодье начнет заливать сора — тут жди.

— По рыбе, по рыбе надо судить. Щука к нересту — никакой мороз не сдержит ледоход.

— Чуешь, воздух-то никак с южным запахом, и птица даже днем тянет на север. К теплу дело, распарит Обь — тут все разом может случиться, не успеешь моргнуть.

И ругались, и спорили, держали пари. Не мог Юрху в эти дни отсиживаться в поселке, не находил себе места: к лову по открытой воде все было готово, — и он, как чайка с подрезанными крыльями, без всякой цели расхаживал по берегу до поздней ночи, в надежде, не треснет ли, не толкнет ли невидимая сила этот надоевший, измозоливший глаза лед.

Есть момент путины, он краткосрочен и во многом еще не изучен, это между концом подледного лова и началом лова по открытой воде. На месте называют его улатным ловом. Так рыбалка, для себя, кто хочет. Но когда Курли снова вписали плановым рыбаком, помолодел Иван Федорович, возбужденно засуетился, схватил ручку со стола, сунул в руки Юрху.

— Где обязательства, бумага? Пиши, Кифан Фетрыч до вонзезового лова годовой план дает. Вот так. Давай мне Чебака, его звено.

Поверить в это было невозможно, но Юрху радовало такое решение отца, плана на улатный лов не было, но совсем не плохо пообщаться с ребятами Ивану Федоровичу. От распиравшей радости согласился отец на такую рыбалку, подумал Юрху. После его возвращения в родительский дом Курли не ходил, а попрыгивал по поселку. Да и после удачного подледного лова Иван Федорович опять относил себя уже к почетным, особенно среди молодых рыбаков. Прикоснувшись к коллективному труду, он впервые почувствовал общую радость, убедился, как нуждается молодежь в опыте, смекалке, а где и в хорошем слове. Ребята из молодежного звена Чебака, не очень веря в успех весенней рыбалки, однако легко согласились — не рыба, так уж охоту не упустят. Со знанием дела отбирал Курли орудия лова. Юрху открыл перед ним весь склад. Рыбаки помогли перетащить через Обь дюралевые лодки со снаряжением и звено Чебака исчезло в лабиринте только-только еще разливающихся протоков.

В раннюю весну, при улатном лове, нерестится щука и язь, начинают шевелиться местные косяки сига. Но даже при удачном промысле — как сохранить рыбу, на чем доставить ее на приемный пункт? Очищаются протоки и сора, горные речки, но судоходство еще

на две недели сдерживает Обь. В ожидании ледохода отсиживается приемный флот в соймах, заводах, юга-нах.

По жизненному опыту Юрху знал, что никогда отец не кидал слов на ветер, может, что-то опять задумал. Юрху еще постоял немного на берегу, с досадой бросил взгляд на вспухшую синевато-грязную реку и торопливо зашагал в контору рыбоучастка. «К ночи уйдет, обязательно уйдет лед».

— Плашкоут Курли надо?— начальник рыбоучастка покрутил головой, почесал ершик на голове и звонко расхохотался:— Ну, Юрху, рассмешил же ты меня... Вот что значит молодость — давай и никаких... Да ведь плашкоут не корыто, к нему и катер давай, а он у нас один на весь участок... Какой может быть там улов, я же знаю — время провести, поохотиться поехали... Пусть побалуют. Летняя путина на носу, тут глаз да ухо остро держать надо... Нет, нет, не могу такой план-приказ дать. Слышко, что скажу. Не ребячеством занимайся, а людей еще раз проверь по звеньям, чтобы сразу же после ухода льда всех на угодыя. Понял? Вонзь встречать надо. Упустим первые косяки — по шее оба получим... Зимний лов? А что зимний лов?— начальник поцарапал ершик на голове, несколько задумался.— Молодцы, что тут скажешь. Хороший зачин для плана в этом году сделали... Но пойми же, улатный лов — не рыбалка... Ох, ну до чего же ты прилипчивый, Юрху. Ладно, смотри,— «икряной ерш» подвинул к себе листок бумаги,— дам тебе катер ровно на сутки. Без рыбы приедешь — вытащу тебя на партийное собрание, если из-за тебя сорвем расстановку полутора десятков плашкоутов по участкам — еще хуже будет,— и, скрипнув по бумаге жирным росчерком, протянул распоряжение.

Гораздо быстрее Юрху повзрослел в труде, чем в семейной жизни. В хантыйских семьях практически нет разводов. И то, что жена уехала от Юрху, явилось предметом колких шуток. Отец был прав: жену надо искать как друга, помощника... Особенно невзлюбил Юрху свою одинокую жизнь после одной поездки. Накинул на разгоряченный «Бурани» брезентовую накидку, словно попону на лошадь, перед тем, как войти к себе в дом, в нерешительности потоптался около заметенного крыльца. Щепка бралась вяло, нетопленная несколько дней печка дымила. Юрху открыл вьюшку, сжег несколько листов бумаги, и сразу от принудительной тяги поленья взяли жаром, застреляли искрами, тепло побежало к углам, зашевелились ситцевые занавесочки. Их было множество: они отделяли рукомоёйник, уголок, где горсткой лежала давно не тронутая посуда, кровать, что, видимо называлась спальней, занавесочки висели просто так одна над другой. Сидя на опрокинутом самодельном табурете, Юрху с интересом и как бы со стороны разглядывал свое жильё. Одну стену украшали тряпки с намалеванными девицами у озера, другую — облупившийся лебедь с неестественно толстой шеей. Юрху эти тряпки были ни к чему, но они висели, дешёвые, вульгарные. Ему вдруг пришла мысль, что дом напоминает временное гнездо, как у птиц.

Все чаще думал Юрху о своих родителях. Не мог он утверждать: любила мать отца или нет, но служила ему верой и правдой. Позови ее Курли — и пойдёт его Сина, еще не зная куда и зачем. Так требует север — рука об руку жить, за порогом оставить лисьи повадки.

Юрху еще раз обвел взглядом занавесочки, встал и неторопливо начал сдирать эти временные «перегородки», уют со стен, бросая тряпье в угол. И словно стены раздвинулись, стало светлей. Почти без сожаления

окончательно осознал: жена к нему не вернется сюда никогда. Юрху приставил к дверям чурку, улыбнулся от мысли: очень обрадуется Чебак, узнав, что Юрху отдает ему свой дом. Совсем недавно женился Чебак, квартиры пока нет, очень обрадуется...

— Аньки,пустишь меня обратно жить?

Мать в растерянности выронила из рук веник, замигала глазами. И до того она беспомощной и еще более родной показалась Юрху, что он, опустившись на колени, прижался к ее теплomu животу. Сина дрожащей рукой поглаживала мягкие светлые волосы сына и шептала:

— Сюнь, узя, сюнь, узя! — Здравствуй, счастье, здравствуй, счастье в нашем доме!

...На длинном буксире тянул плашкоут катер, взбалтывая из-под винта косматую волну, она распадалась на бурлящие воронки, которые с тихим хлюпом ударялись о плашкоут и растекались вдоль бортов длинными усиками по тихому прилизанному плесу. Кое-где картинно проплывали отдельные льдины. Молодой приемщик, сидя на кубрике, кажется, не замечал красоты весеннего половодья.

— Почему все я?— ворчал он, косясь на Юрху.— Эти рыбаки у меня вот где уже сидят,— похлопал он по своей тонкой шее.— Сейчас другие первую рыбу на борг принимают, план делают, а меня гоняться за твоим Курли послали. Хорошенькое дело, расцвети, малина. А если он и правда вдруг с рыбой сидит? Что тогда? Куда я с ней? Две недели отлежала, ее и медведь есть не станет, твой «Кифан Фетрыч» весь план мне по сортности своим экспериментом срежет. Ваше дело простое: поймал, сдал — выпиши квитанцию. А тут подотчет,—

приемщик при этих словах вытянул напряженно лицо.—
Через сколько рук рыба проходит, знаешь?

— Почему, думаешь, я не понимаю тебя?— Юрху дружески положил руку на плечо приемщика.— Тут надо определиться, для кого и для чего мы делаем работу. Сначала вот ее надо понять и полюбить.— Юрху широко развел рукой по пойме Оби.— Когда я был с ней в разлуке, она еще дороже мне стала. Нет вкуснее обской рыбы, нет вкусней ее воды... Если у меня с бригадным ловом все получится, я знаешь куда своих людей заброшу под осень, со спадом воды? На живуны, горные речки Сыню и Войкар, расчищать нерестилища. Так и скажу своим: «Взял рыбу — отдай рыбе». Не все, конечно, пойдут, но есть у меня на примете люди, настоящие рыбаки, они пойдут...

— Схлопочешь от «икряного ерша» выговор или с работы полетишь,— с опасением предупредил приемщик.— Ему же план надо.

— План будет, но я его смогу делать только тогда, когда вот здесь,— Юрху прижал руку к сердцу,— будет спокойно. Обь — тоже живая, вроде как душа у ней есть. Предки лучше ее понимали, чем мы сейчас с железными моторами и капроновыми сетями. Да если захотеть, ее можно в несколько раз перегородить туда и обратно — ни одной рыбине не дать прохода. Нельзя сейчас силу показывать без ума.— Юрху замахал рогожей, давая на катере знак приостановиться.

— Пусть здесь в заводи постоят,— объяснил он приемщику.— Дальше на шлюпке поеду, поищу их,— и, прихватив ружье, спрыгнул в свой «Прогресс».

Утки, давно уже изучившие хитрости человека, чутко улавливали звук мотора, скорость лодки и неторопливо табунами отлетали в сторону, не допуская расстояния на ружейный выстрел. Неожиданно слева Юрху

заметил, как гуси, описав длинный круг, пошли на снижение в тупичок острова-бугра, обрамленного раскидистыми кедрами. Только охотнику понятна его страсть нервно пульсирующее по всему телу покалывание, человек как бы сжимается весь в пружину, готовый в любой момент к прыжку. Юрху приткнул лодку к берегу, прижавшись, неслышно заскользил по багульнику в обход. От напряжения и волнения вспотели ладони, когда через просвет раскидистых лап кедрача увидел птицу. Гусь-сторожевик вытянулся, как солдат на посту, другие спокойно под его охраной щипали хвощ, копошились в иле. Хороша «тулка» у Юрху, но если бы хотя метров на пять поближе, однако сторожевик еще больше вытянул голову, почувствовав опасность. Ждать нечего, момент удачной охоты решается в считанные доли секунды: прорезь совместилась с мушкой, которая наведена на жертву... Вдруг воздух полоснул отчаянный крик, и запоздалым хлопком прозвучал выстрел — напрягая все мышцы, гуси поднялись в спасительную небесную синеву. Еще ничего не поняв, Юрху растерянно провожал взглядом радостно гогочущих птиц, но отчаянный крик снова вернул его к действительности, и он, обдирая лицо о жесткие ветви мелкого березняка, бросился к центру острова, туда, где расположено было большое карасиное озеро.

Подбежав ближе, Юрху увидел то, что его еще больше привело в недоумение: на сучьях висели резиновые сапоги и портянки, а сам Иван Федорович, обхватив руками что-то желтое, похожее на пузырь, барахтался на середине озера, запутавшись в сети. Спасло Курли то, что другой конец сети был недалеко у берега. Выдернув кол, Юрху вместе с сеткой вытащил и самого перепуганного и обезумевшего от страха Ивана Федоровича. Пока Курли бегал босиком вокруг полянки, выкрикивая что-то, сын бросился разжигать костер.

— Снимай с себя одежду,— приказал он отцу, который присел от усталости на пенек и, как заяц, тряс худенькими коленками.

— Как это тебя сюда занесло в ледяной воде искупаться?— назидательно ворчал Юрху, снимая с себя теплую, сухую одежду и натягивая на отца.

— Тьфу, туристка обманщик,— стуча зубами, ворчал Курли.— Продай, говорит белой рыбки — лодку резиновую дам. На крючок, говорит, белая рыбка не ловится, а кушать хочу ее...

Юрху со злостью хрястнул об колено напололам толстую хворостину, бросил в костер.

— Я не знаю, что с тобой делать, аси. Где уж ты слишком умный, а где... хуже ребенка. Опять продажей рыбы занялся?

— Нет, нет,— испуганно замахал Курли.— Это еще прошлогодний грех, нынче нет. Какой это лодка, бортов нет,— ненавистно плюнул он в сторону желтоватой прорезиненной мешковины. Юрху подошел поближе, взял смятую лодку в руки, стал рассматривать.

...— На сухую палку наехал — весь воздух пух — и вышел, чуть к рыбам не ушел.— Иван Федорович встал и пнул прорезиненную мешковину с обрывистого берега.

— Но как же ты здесь оказался, аси, и один?— все же не понял Юрху.— Где остальные? Где Чебак?

— Он теперь не Чебак,— поправил назидательно Курли,— его Митрий звать, очень хороший рыбак будет, как лиственница крепкий, сердиться быстро не умеет.

— Ну пусть Митрий,— улыбнулся такой переоценке своего друга Юрху.— Я спрашиваю, как ты здесь оказался на карасином озере, и для чего оно тебе?

Многие плановые рыбаки нижней Оби считают любительством облавливать карасиные озера. Промыслового

значения они не имеют, да и пройти к ним по болотам в лесу не так-то легко.

— Сам говоришь, в июньские месяцы записал, — проворчал Иван Федорович. — Попробовать хотел. Откуда знаешь, сколько рыбы в нем? Если на всех озерах только вокруг Сухогола штаны протереть — карася много можно взять. Шибко он в сетке крутит, когда шиповник цвetoк набирает, потом поздно ловить — в ил тыкается глубоко... Тут тоже надо думать, — философствовал Иван Федорович, шагая следом за сыном. Главный государственный вопрос: как карася из лесу перевезти лето к реке. Хорошо головой поработать, тоже можно придумать: лошадь забросить, кулькины сани (волокуши) сделать...

Юрху внимательно улавливал каждое слово отца и не переставал удивляться простой и четкой мысли Ивана Федоровича, которая оформлялась в конкретное предложение. И он радовался этому, загорался сам от оптимизмом.

— Плашкоут, аси, пригнали, — только сейчас наконец догадался сообщить Юрху отцу. — Как прошел у вас улатный лов? Не зря ли пригнали плашкоут и катер для тебя? За лустую работу мне начальник обеща нагоняй.

— Как прошел, шататься-болтаться не ходили. Увидишь...

Приемщик плашкоута с изумлением хлопал длинными ресницами, когда на борт поднялся Курли и ссадил его в сапогах, но без штанов — Юрху, весело насвистывающий песенку. Плашкоут прибухсировали под бортик катера, чтобы удобней было маневрировать среди извилистой протоки. Узнав, что у Курли действительно есть рыба на сдачу, приемщик всполошился не на шутку.

— И много ее у тебя?— допытывался он у Ивана Федоровича. Курли стоял в носовой части катера, широко расставив ноги и важно помахивал трубкой.

— Тонн двадцать терпит,— бросил он через плечо, взглядываясь в берег протоки.

— Чего?!— выкатил глаза парнишка.— Ты что, смеешься? Куда я с твоей гнилью, да и плашкоут по паспорту больше пятнадцати тонн не возьмет.

— Если государству рыбку надо, возьмет — затолкаешь.— Иван Федорович приподнял руку, давая знак капитану приостановиться, потом ткнул пальцем в берег.— Здесь.

Как только был выброшен узкий ребристый трап, все высыпали с катера, толпясь, с любопытством стали оглядывать вокруг пустое место.

— А где наша рыбка?— гоготнул кто-то из команды.— Я ведь уже в камбузе котелок с водой поставил.

Курли, не обращая внимания на шутку, молча отвязал от свисающего к берегу тальника веревку и подтянул к себе — из-под воды всплыл мережный кошель, наполненный крупной щукой. В раннюю весну, во время нереста, щука ловится до десяти и более килограммов, период лова ее незначительный, перед вонзей она уже исчезает в омутах. Когда Иван Федорович отвязал следующий кошель, также забитый рыбой, не сговариваясь, все бросились на плашкоут за ящиками. За щукой стали вытаскивать из воды трепыхающихся язей и рассыпать по ящикам.

— Так бы сразу и сказал,— не скрывал теперь своей радости приемщик, обращаясь к Курли, который снова важно раскуривал трубку и наблюдал за работой со стороны.

— Щука, язь в садках месяц жить может и жир ни сколько не потеряет, еще вкусней будет... Раньше для

еды специально так держал,— поучал Иван Федорович удовлетворенный произведенным эффектом.

— Это здоровски хорошо, расцвети, малина,— соглашался приемщик.— Я теперь по сдаче и по сортности во как буду высоко, тут же вся рыба на сто процентов первыми сортами пойдет — первая рыба по открытой воде! А я думал, сигающую ловишь, ну, думаю, пропащее тогда дело для меня, расцвети, малина.

— Сигающая: сырок, пыжьян, щокур тоже немножко ловил, может даже больше этой рыбы,— пояснил Курли.— Сейчас туда поедем.

Парнишка от поразившей его неприятной новости неловко схватил щуку и тут же с визгом выдернул окровавленный палец из ее пасти.

— Юрху,— зачем-то призывая в свидетели бригадира, затряс он рукой,— ты слышишь, что говорит твой «Кифан Фетрыч»?

Но Юрху теперь ничему не удивлялся, главное, что отец стал раскрываться перед людьми.

— Мы сейчас в его распоряжении,— успокоил он приемщика.— Говорит — поедем, значит, поедем — хуже не будет.

И снова завиляла река изгибами, потом вдруг неожиданно распахнулась на перекрестке четырех протоков.

— Кресты!— крикнули из рубки, маяча Курли, чтобы он указал, куда сворачивать. Но сворачивать куда не понадобилось, к катеру приближалась шлюпка. На бронзовом от весеннего ветра лице Чебака, ставшего Митрием, еще белозубей казалась улыбка. Задрожала палуба от рыбацких сапог, захрустели спины от теплых объятий.

— Честное слово, я так, ребята, по вас соскучился... Уехали, вспомнил, что забыл выдать палатку с тройным

дном, была одна такая. А в одинарной на весеннем ветру, в слякоть хуже, чем зимой.

— Да чего ты о нас, Юрху... Мерзнуть не приходилось, нам спать-то Курли не давал. Ты знаешь это какой старик?..

— Мне всего один раз на охоту удалось сбегать, тайком. Двух селезней убил. А потом хватать за ружье — нет, куда-то припрятал старый.

— Говорит, охота — баловство, рыбу нас ловить послали, я, говорит, крепкое слово «икряному ершу» сказал, за себя, за вас.

— Мы все руки в кровь изодрали. После проверки сетей еще ночами льдины арканили.

— Как арканили?

— Очень просто, обхватывали канатами и тянули к берегу, иной раз против течения.

— Да вон же они, посмотри.

Юрху и команда стали вглядываться в берега проток. То там, то здесь виднелись странные сооружения: на льдинах, привязанных к талу, сверху чернела солома, они больше напоминали ондатровые хатки. Все повернули голову к Курли в ожидании ответа.

— Для чего они? — не выдержал приемщик.

— Свой ледник делали, — степенно объяснил Иван Федорович, испытывая большое наслаждение от всеобщего внимания. — Для тебя делал, — посмотрел он на приемщика, — сортность в рыбке тебе сохранял.

Как только подъехали к берегу, парнишка побежал к ближайшей льдине, расшвырял солому и приоткрыл рогожу. На поверхности льда брюшками кверху рядом был уложен сырок и пыжьян. Приемщик продавил несколько рыбин пальцем, придирчиво заглянул в жабры: и продав упруго восстанавливался, и жабры были ярко-красные.

— Ну что?— поинтересовался Юрху.

— На девяносто пять процентов приму первыми сортами,— уверенно заверил приемщик, вставая с колен.— Рыба, как из воды, свежим огурцом пахнет, расцветит малина.

— Почему же летом на плашкоутах она больше двух суток не держится?— допытывался Юрху, которого как бригадира в не меньшей степени интересовала сортность, от этого зависели и заработная плата и премиальные рыбака.

Парнишка пожал плечами, припоминая, видимо, что-то из прочитанного.

— Мы на плашкоуте пользуемся битым льдом, искусственно замороженным зимой в камерах,— наливым,— неуверенно начал объяснять он,— а этот речной лед — кабанами его называют, он калорийный, быстро тает, но быстрее отдает и холод, не киснет, как наливым. Вот он этим и воспользовался,— приемщик кивнул на ухмылявшегося Курли, который тоже с удовольствием слушал ученое объяснение.— Верхний слой со снегом они спилили, и рыбу уложили на чистый лед, прикрыв сверху влажной рогожей и засыпав соломой от прямых солнечных лучей. Потом надо учесть время — весна. Днем тепло, а ночью заморозки, поверхность жидкого льда всегда оставалась сухой, с одинаковой температурой, может быть, минус три — пять градусов... Главное, что они с поверхности льда убрали снег.

— Конечно, ты,— Иван Федорович хотел обратиться к приемщику, но, не зная настоящего его имени, осекся, а назвать «тощим щурогаем» ему было сейчас послышится, таких хвалебных умных слов неудобно,— правильно говоришь,— махнул рукой Курли.— Я шибко не профессорский, но как живем, так и делаем. Некоторый весной рыбку в снег прячет — совсем дурной человек та

делает. Снег зимой холодный, а весной снег какой холод дает, рыбку только портит. Если снег совсем холодный был — зачем тогда в «куропачий чум» спать ложиться? — он что-то еще хотел сказать, но, заметив, что мало кто его уже слушает (все занялись погрузкой), пыхнул трубкой.

— Ладно, Обь свою зимушку-лед опять вниз повел...
Пойдем.

Перегруженный плашкоут, как утюг, бороздил тихий плес. Сидя на ящике, Юрху с улыбкой думал об отце: «Вот для чего Курли набирал в складе канаты и рогожи с такой придирчивостью».

— Слушай, Юрху, — локтем подтолкнул приемщик, — а с твоей бригадой жить можно, интересно работать можно. Давай попросим у начальника, чтобы закрепил за мной одну стоянку — вашу бригаду. Когда с одними людьми работаешь, больше их узнаешь, а то сегодня здесь — завтра там, все давай, давай...

Но Юрху продолжал думать о своем:

— Аси, — обратился он к отцу, — а почему раньше я про эти льдины ничего не слышал?

— Каждый по своим протокам ходил, — ухмыльнулся Иван Федорович. — Один как будешь арканить, силы не хватит.

— Так вместе, значит, легче работать?

Оба посмотрели друг другу в глаза и рассмеялись.

ЮРХУ

От «Прогресса» бежит пласт воды, ровно гудит мотор, а с берегов, прищурившись, смотрят рыбаки на своего молодого бригадира Юрху, провожая его долгим взглядом. Вода вышла из берегов, русло реки слилось с огромной поймой и ее сорами — нетрудно заблудиться. Ориентиром служат бакена, да таловые кусты обозначали изгибы плесов. Воду ждали, но не ожидали такого наводнения, которое перекрыло известный 194 год. «Наверное и избушку снесло в Сухполе у отца», — подумал Юрху. В растерянности оказались многие добычки. Где селить рыбаков? — еще одна проблема встала перед бригадиром. Да, путина на Оби не повторяется. Зимний и улатный лов не прошел бесследно. Юрху во многом был благодарен в этом отцу. Подобное звену Митрия-Чебака еще создано три, закреплены за ними опытные рыбаки-наставники. Слабых можно оставить пока около обжитых, проверенных песков, а подвижные звенья при такой воде могут оказать большую пользу. Мягче стал относиться к экспериментам и начальник рыбоучастка — большой рыбы ждать не приходится, собирать ее надо, искать круглый год.

Рыболовецкий стан блеснул берестяными чумами. В середине его, как под стражей, стоял на небольшом возвышении однокатный дощатый балок. На всю длину балка висел из красного ситца лозунг: «Годовой план — по открытой воде». Юрху поморщился, нет, не мог он согласиться с этим призывом. Этот лозунг для сидячих и ленивых рыбаков. Так легче, зимой кто его знает, где рыба и как ее взять. Летняя путина в Заполярье корот

ка, но рыба доступна во всех водоемах. Так внушался рыбаку и сезонный характер его работы. По этому же лозунгу — «План — по открытой воде!» — выписывали со стороны, издалека рыбаков, когда не хватало своих. А такой добытчик первое время, не зная, за что ухватить сигающую — за жабры или за хвост, — боялся ее, как щуки. И задышался приемно-транспортный флот, не успевали перерабатывать рыбу приемщики плашкоутов, не успевали ПТС. Рыба портилась в сетях, рыбу портили в трюмах. «План — по открытой воде!» А на горных речках Сыне и Войкаре задыхались и исчезали живуны.

С весны в поспешности там брошены были запоры, хищными зубьями торчали из-под воды колья, застревали на них в половодье топляки, заносило их песком и галькой. В рыбозаводах стали планировать деньги на мелиоративные работы, но зачастую они расходовались на очистку плавных песков — то есть опять же затем, чтобы взять рыбу, — а не на очистку живунов. Не мог добытчик, живущий под таким девизом, понять одно: взял рыбу — отдай рыбе.

От каждого чума струились дымки, отгоняя скопища гнуса. Ребятишки гурьбой высыпали на берег, у самых маленьких на штанишках виднелись небольшие разрезы — так удобней справить нужду и обмануть комара. Хоть и коренной житель Юрху, а гнус доводил его до исступления. Чтобы смириться с этим, он выставил вперед свою волосатую руку.

— Вот, черт! — отдернул скоро от боли руку Юрху и зачесал укушенное место. Ребятишки, стоя по колени в воде, дружно смеялись, размазывая по круглым, потным рожицам копоть от дымокура. Юрху подержал в руках якорь, однако пожалел бросать его в илистый берег, привязал «Прогресс» к бударке и в сопровождении ребятишек направился к стану.

— Ну, как молодая жизнь, кусается?— потрепал о за шевелюру младшего.

— Нисе, мы их тоже кусаем...

— Дядя Курли говорит, что их не надо замечать бояться — они приставать не будут.

— Укусил, чесаться тоже не надо.

— Разве только так,— Юрху ухватился за пучок травы и вылез на обрыв, чуть не наступив на кастрюлю с яйцами.

— Это дяди привезли, вон там, в балке живут.

— Здравствуйте, мужики!— поздоровался Юрху по русски.

— Узя ула — здравствуй,— начали сходиться рыбаки, только один из них приподнялся и снова уселся за низеньким столиком, помахав в приветствии узким лезвием ножа. Лельхов разрезал муксуна продолговатыми кусками, проткнул кость около хвоста и ел, макая кровь. По лицам рыбаков было видно, что дела на этом стане идут совсем плохо.

— Что такие грустные?— решил взбодрить их бригадир.— Сегодня нет рыбы, завтра будет, воды много искать надо рыбу.

— Рыба совсем плохо идет, за один плав два-три муксуна — только себя кормить.

— Однако питаетесь вы не только одной рыбой,— Юрху кивнул в сторону кастрюли,— яйца, мешок картошки, лук есть...

— Это те помогают,— предательски показал ножом в сторону балка Лельхов,— они умеют всякую еду доставать.

— Ты, Юрху, не слушай его,— попытались отговорить рыбаки, не любившие сплетен.— Лельхову два плавна надо, медаль надо... немножко тоже понимаем. Максусу — печень шибко любит Лельхов.

Рыбаки недолго любили Лельхова, они видели, что он больше заботится о своем желудке, жирный кусочек мимо рта не пронесет. В нехорошем деле они его поймали. Когда осенью рыбаки ловили фитилями налима, в котле Лельхова всегда плавало несколько колбасок — налимья печень, набитая в рыбью кишку. Большое это лакомство. Оказывается, Лельхов ловко научился извлекать печень через жабры, а вместо нее всовывать для принятия прежней формы и добавочного веса камень, что не всякий приемщик поймет что к чему.

— Где Курли? — спросил Юрху у рыбаков.

— Камни ловить, наверное, поехал, — захихикали добытчики. — Рыбы нет, сердился Курли, на свой Каменный песок поехал опять сетку топить.

— А вы что, ждете большой рыбы? — с мальчишеской обидой в защиту отца пресек разговор бригадир. — Хоть по два муксуна, а ловить надо, сидеть на берегу нечего, — и он направился по тропинке к балку, откуда доносился храп. Туча комаров билась о мутное стекло, ими был завален весь подоконник. На широких досках, прибитых к стене и заменяющих стол, лежала груда рыбных костей, на полу стояло ведро с остывшей ухой. Белая лайка аккуратно вытаскивала из ведра рыбьи куски, а потом, бросая извиняющийся взгляд на Юрху, торопливо, с хрустом уничтожала. Кто-то лежал на нарах в болотных сапогах, свесив одну ногу на скамейку и закрывшись до пояса марлевым пологом. Храп, комариное гундосенье, хруст костей — Юрху с отвращением приподнялся со скамьи, но в это время человек заворочался, почмокивая губами, откинул полог, им же растерзанные опухшие веки.

— Здорово, рыбак, — усмехнувшись, Юрху снова присел на скамейку.

— А-а, — неосознанно протянул обросший мужчи-

на.— Шеф прибыл собственной персоной,— дотянулся до видавшего вида чайника на железной печи, кадью насосом заходил по жилистой шее, вбирая черную смолянистую жидкость.— Живем, можем,— удовлетворенно почесал он живот, окончательно отряхиваясь ото сна и на мотив из «Бременских музыкантов», зевая, протянул: — Ох, рано встает рыбоохрана...

— Да, спать не приходится,— согласился Юрху.— Только не рыбоохрана, а бригадир я на этом участке. Слышал, что вас ко мне закрепили. По вербовке, что ль, сюда-то?

— Вроде,— мужик почесал спину.— Коровник строили в Кировской области... тут вычитали: рыбаков на Оби летом не хватает. Вот дружно вшестером и решил сюда податься — по куску заработать. А где она тут рыба-то,— вербованный плеснул матом.— Под водой не видно, где плавают.

— И то верно,— забарабанил по полевой сумке Юрху.— Не зная броду, не суйся в воду... На плаву не удалось, решили в сорах побаловаться, молодью поспекулировать.

— А что осталось,— не понял рыбак,— сидеть под кустом, прикрывшись листом? Жрать-то каждый хочет.

— Коровники дело тоже нужное,— обдумывая каждое слово, Юрху пытался остановить взгляд вербованного на себе.— А рыбу ловить — любить и знать ее надо. С живым организмом дело имеем... В бригаду свою я вас не впишу. Таких рыбаков мне не нужно.

— Да мы уж и сами поговариваем,— неожиданно добродушно согласился мужик вдогонку Юрху.

Юрху со злостью пнул от выхода пустую бутылку из-под водки и прошел мимо озадаченных рыбаков. «Прогресс» птицей летел по течению. «Не так легко задуманное увидеть в деле»,— думал Юрху. Рыболо

вещкий песок и в этом году мало напоминал производственный участок, на нем шла размеренная, неторопливая семейная жизнь с надеждой на большую рыбу. Мать Юрху и еще несколько женщин устроились в мастерской, их мужья объединились в звенья, но многие, как и прежде, прикасались сюда цыганскими таборами. Государственный лов требовал своей сутью отказаться от индивидуализма, а он еще крепко сидел в родовом понятии: мое место, мой дед еще занял, другое место не ходи, как ловлю рыбку — тоже мое дело. Сиднем сидят на своих местах, как на гнездах, а сколько еще неосвоенных водоемов таит в себе обская пойма?

Еще издали Юрху увидел в бинокль лодку. Курли вместо сети выкидывал по тихому плесу балберы, наанизанные на веревку... Не доезжая, Юрху выключил мотор.

— Что опять придумал, аси? — с любопытством рассматривая это ребячье занятие, спросил он.

— Хоко! — по-мальчишески радуясь, подпрыгнул Курли. — Сначала здороваться надо, — отец и сын протянули руки и подтянули друг к другу лодки.

— Ну как помощник? — кивнул Юрху на весельщика.

— Митрий крепкий человек, — он почти с нежностью посмотрел на здоровенного парня. — Во, смотри, — показал на весла, — вокруг железом сделал, а так, когда ветер, сразу ломает... В любую погоду рыбачить с ним можно.

Юрху приоткрыл доску люка и удивленно присвистнул.

— А это где вы раздобыли? — Люк наполовину был заполнен муксуном. Митрий с Курли, довольные, рассмеялись.

— Это за один плав, но еще мало, — похвастался

Иван Федорович.— Вот балберки смотрю, какой гр любят.

— Для этого-то ты их и держал в банках в Сухпо зимой,— вспомнил Юрху.

— А как же,— удовлетворенно хмыкнул отец,— каждый плес свою глубину имеет, свое течение. Ты готов сети даешь, а разве знаешь, куда они могут пригодиться. Человека учат ходить, сетку по дну тоже надо учить ходить... Вода нынче большая, течение разное... Вот та сетку надо учить ходить,— Иван Федорович загнул лодку донь под сорок пять градусов,— чтобы муксун в седьмом ячеее снизу был, вверх не перепрыгнул — мешком сетки накроет. Балбер разный, по-разному ходит. Во,— покзал он на зигзаги из балбер, дорожкой уходящие к берегу,— один вперед, другой назад.

Митрий с Юрху с интересом слушали Курли, и то польщенный этим вниманием, продолжал не без хвастовства:

— На заводе сетку делают — не знают, где Кифа Фетрыч будет рыбачить, какой воде. Я знаю... Вот, когда ветер, нельма на дно ложится — тяжелой сеткой плавать надо. Тихо — груз снимай, нельма наверху иде всякую еду собирает... Эти балберы кидаю, чтобы снов сетку переделать.

— Целая наука, аси,— почесал затылок Юрху.— А как же Каменный песок? Задевы? Ты же сеть утпил.

— Теперь камень не страшный, капканил я его,— бособого интереса объяснил отец.

— То есть как капканил?— еще больше удивило бригадир.

— Тогда в ночной плав спрашивал, зачем проволоку сюда вожу — капканы делал. Камень весь на виду осню был, маленькому ямку делали с Синой, бросал

большой — проволокой путали, ребра по течению делали. Теперь сеть по дну пойдет — задевы не будет, по ребрам скользить режовка будет, дальше идти, камень не мешает.

— Знаешь, аси,— расчувствовался Юрху, прижимая отца к груди через борт лодки,— тяжело мне работать было бы без тебя.

Курли растерянно и стесняясь Митрия, неуклюже попытался освободиться от объятий сына, он еще больше испугался своей слабости, когда начало пощипывать глаза.

— Что случилось, Юрху, не надо так!

— Я зачем тебя разыскивал?— не отпуская руку с плеча отца, доверчиво начал открывать свою задумку Юрху.— Путина нынче очень сложная. Многие рыбаки на берегу сидят, не знают, куда податься... Ты свой труд в Каменный песок вложил, отбирать его никто не будет... Есть рыбаки с большими семьями, их трудно сейчас туда-сюда перебрасывать, заработков нет у них... Ты, аси, лучше других реку знаешь, без рыбы никогда не останешься... Если бы разрешил ты, пустил сюда семейных рыбаков, у которых весельщики слабые? Конечно, может, не сразу на новом месте рыбу найдешь, но хорошо для людей бы сделал, спасибо сказали...

Курли осторожно снял со своего плеча руку сына, каким-то новым и долгим взглядом стал рассматривать Юрху.

— Жениться тебе, Юрху, надо,— неожиданно заключил он.

— При чем здесь женитьба,— сожалея о своей откровенности, поморщился Юрху.

— Обязательно жену ищи,— настаивал Курли.— Обь ты шибко любишь, людей, это женитьба внутри тебя говорит. Тебе река обязательно невесту найдет... На бе-

рег ляг лицом к Оби, спи и думай о невесте. Присни
она с черной косой, на которой серебряные монеты.
косой иди, коса по реке побежит, по лунной дорожке
как чешуей нельмы засверкает. Беги за косой через ре-
ку, покажет дорогу дальше коса — и дальше беги, об-
зательно приведет к невесте...

Митрий, хватаясь за бока, густо и раскатисто захо-
тал. «Молодожен самодовольный», — с обидой подумал
Юрху и слегка покраснел.

— При чем тут сказки? — почти крикнул он, пытаясь
оттолкнуться от лодки отца.

— Подожди, — Курли снова подтянул «Прогресс» к
себе. — Не сказка это, Юрху. Я очень хочу, чтобы у те-
бя здесь не болело, — он приложил ладонь к сердцу, — по-
тому так и говорю... Разве я не видел, когда тебе болело
но бывало. Но не зря я тебя назвал Юрху — сильным
человек, правильно назвал. Сейчас сам знаю, ты сделаешь
много сделаешь... А Каменный песок — зачем так мно-
го было тебе говорить? На Каменном песке сейчас раба-
тать можно. Как ты решил — сам бы сделал.

Мелкой рябью пробежал по плесу северный ветер.
Рябь скатывалась в волны, они росли на глазах и вдруг
разом зашумели, рассыпаясь белыми гребнями. Восточ-
ный Курли вскочил на ноги, размахивая над головой
кормовым веслом.

— Давай, давай, о-вас-вот — северный ветер! Ду-
дай... Гони рыбку сюда. Посмотрим, кто хитрей — рыба
или я. Посмотрим, кто из нас поисковый, — и, обращаясь
к сыну, прокричал в сторону плеса: — Мы еще, Юрху,
крепко будем рыбу ловить!

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВОНЗЬ	3
КУРЛИ	14
НОЧНОЙ ПЛАВ	28
У РОДНОГО ПОРОГА	40
СУХПОЛ — ГЛУБИНКА	48
ПОИСКОВОЕ ЗВЕНО	60
УЛАТНЫЙ ЛОВ	73
ЮРХУ	87

Юрий Николаевич Афанасьев

ОБСКАЯ ПУТИНА

Редактор И. В. Черняева
Художник О. С. Теслер
Художественный редактор Л. Е. Безрученков
Технический редактор В. А. Преображенская
Корректор Э. З. Сергеева

ИБ № 3587

Сдано в набор 13.01.84. Подп. в печать 18.05.84.
А05858. Формат 70×108/32. Бумага тип. № 1. Гар-
нитурa литературная. Печать высокая. Усл. печ.
л. 4,20. Усл. кр.-отт. 4,46. Уч.-изд. л. 4,07. Тираж
30 000 экз. Заказ 1042. Цена 15 к. Изд. инд. ХД-538.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская
Россия» Государственного комитета РСФСР по
делам издательств, полиграфии и книжной тор-
говли, 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома
Государственного комитета РСФСР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли,
г. Электросталь Московской области, ул. им.
Тевосяна, 25.